

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

**ИЗБРАННЫЕ ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
III СТУДЕНЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
МЕЖВУЗОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Санкт-Петербург
2012

УДК 316
ББК 60.5
ИЗ6

Ответственный редактор Демин М. Р.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Александров Д.А., профессор кафедры социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, соруководитель секции «Исследования образования». E-mail: dalexandrov@hse.spb.ru;

Демин М.Р., старший преподаватель кафедры гуманитарных наук НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, председатель организационного комитета конференции. E-mail: mdemin@hse.spb.ru;

Кольцова О.Ю., доцент кафедры социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, декан факультета социологии, руководитель секции «Исследования интернета». E-mail: koltsova@hse.spb.ru;

Кормина Ж.В., заведующая кафедрой гуманитарных наук НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, руководитель секции «Религиозные группы и практики». E-mail: kormina@eu.spb.ru;

Куприянов А.В., доцент кафедры гуманитарных наук НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, руководитель секции «Социология науки и наукометрия». E-mail: alexei.kouprianov@gmail.com;

Масленников Н.И., доцент кафедры государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, руководитель секции «Демографическая политика в России». E-mail: nikita.maslennikov@gmail.com;

Омельченко Е.Л., заведующая кафедрой социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, руководитель секции «Молодежные культурные сцены крупного города: практики, пространства и стили». E-mail: eomelchenko@hse.spb.ru;

Савельева С.С., заместитель заведующего научно-учебной лаборатории социологии образования и науки НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, соруководитель секции «Исследования образования». E-mail: ssavelieva@hse.spb.ru;

Тарусина И.Г., доцент кафедры методов и технологий социологических исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, руководитель секции «Политическая социология». E-mail: itarusina@hse.spb.ru.

Избранные тезисы докладов III Студенческой социологической межвузовской конференции [Текст] / от. ред. М.Р. Демин ; редсовет: Д. А. Александров, М. Р. Демин, О. Ю. Кольцова и др. ; Санкт-Петербургский филиал Нац. иссл.-ун-та «Высшая школа экономики». — СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2012. 60 с. — 100 экз. — ISBN 978-5-7598-0964-7 (в обл.).

В издание вошли тезисы докладов III Студенческой социологической межвузовской конференции, прошедшей на факультете социологии Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ 1 апреля 2011 года.

Работы студентов представили широкий спектр направлений в области социологии. Все доклады объединены в шесть тем, в соответствии с направлениями секций.

Издание предназначено для студентов и слушателей программ высшего профессионального образования социологического профиля.

УДК 316
ББК 60.5

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	5
----------------------------------	---

1. ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА

<i>Кустов А.Н., Петрова Т.И.</i> Социальные сети русскоязычных социологов-блоггеров в Живом Журнале.....	7
<i>Павлова Ю.В.</i> Разработка методологии составления выборок электронных текстов для социологического анализа русскоязычных блогов.....	10
<i>Терещенко Е.А.</i> Социологический анализ русскоязычных блогов: выбор алгоритма кластеризации текстов.....	12
<i>Хван И.С., Горгадзе А.А., Сукиасян Е.А., Сухарев К.В., Остапенко М.Е., Маргарян М.А., Костенко В.В.</i> Этнические сообщества в социальных сетях.....	14

2. МОЛОДЕЖНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЦЕНЫ КРУПНОГО ГОРОДА: ПРАКТИКИ, ПРОСТРАНСТВА И СТИЛИ

<i>Новикова Л.С.</i> Хипстеры: новые потребительские стратегии молодежи	20
<i>Кудряшов М.А.</i> Потребление музыки в условиях массового Интернета: поворот к звуку 1980-х.....	23
<i>Зиновьев А.А.</i> Применение метода участвующего наблюдения для изучения спортивных практик: тело исследователя как «инструмент познания»	26

3. СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И НАУКОМЕТРИЯ

<i>Загорулько Е.А.</i> Профессорские дисциплинарные суды в вузах Санкт-Петербурга (1907–1914 годы)	28
---	----

4. ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Тиходеев Н.О.</i> Образование как фактор, определяющий уровень дохода некоторых групп сельского населения России	30
<i>Петрова Т.И.</i> Неравенство образовательных достижений школьников: межстрановое сравнение	32
<i>Демьянова А.Д.</i> «Измерение» социального выбора: диагностический потенциал проективной методики.....	34
<i>Тенишева К.А.</i> Факторы образовательного выбора на рубеже 9-го класса	37

5. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Попова Ю.И.

Последствия государственной демографической политики Китая для половозрастной структуры населения.....39

Фахрисламова Р.Т.

Модель рождаемости в Республике Башкортостан, как отражение изменений репродуктивных установок людей44

6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Клейменова А.М.

Факторы успеха акций экологического сопротивления (на примере случаев ВСТО, Сочи и Химкинского леса).....53

Максимовцова К.В.

Соотношение политики идентичности и политики языка в постсоветской Украине.....55

Contents57

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

*Демин Максим Ростиславович,
председатель организационного комитета,
старший преподаватель кафедры гуманитарных наук*

1 апреля 2011 года на факультете социологии Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ состоялась III Студенческая социологическая межвузовская конференция. Мероприятие открылось публичной лекцией Олега Паченкова, заместителя директора Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ). В своем докладе эксперт рассказал о буднях профессионального социолога. По его словам, повседневность профессионала не может быть рутинной и утомительной. Залогом успеха является совмещение серьезности исследования с чувством юмора, умение увидеть смешное даже в самом серьезном феномене социальной жизни. В подтверждение сказанного слушателям были показаны два видеоролика, снятые в рамках одного из последних проектов ЦНСИ «Уличная экономика» и ее участники в современной России и Германии». Сцены на блошиных рынках Санкт-Петербурга и Берлина, наглядно продемонстрировавшие разницу в моделях поведения жителей двух мегаполисов, произвели большое впечатление. Слушатели, ставшие на несколько минут зрителями, смогли убедиться в пользе нестандартных подходов к репрезентации результатов исследования.

Традиционно конференция социологического факультета представляет широкий спектр направлений в области социологии. Как и в 2010 году, были организованы секции, посвященные изучению современной молодежной культуры (руководитель — Омельченко Е.Л.), социологии науки (руководитель — Куприянов А.В.) и религиозным исследованиям (руководитель — Кормина Ж.В.). К сожалению, в этом году не было отдельных секций по статистическому анализу и методологии сбора социологических данных, но прибавились секции по исследованию Интернета (руководитель — Кольцова О.Ю.) и образования (руководители — Александров Д.А., Савельева С.С.).

Особо хочется отметить секции, проведенные по инициативе студентов. В частности, секцию «Демографическая политика в России» организовал студент нашего факультета Алексей Кустов. Он договорился с доцентом кафедры государственного и муниципального управления факультета менеджмента Масленниковым Н.И., привлек студентов социологического факультета НИУ ВШЭ. Инициаторами и организаторами секции «Политическая социология» выступили студенты факультета свободных искусств и наук СПбГУ.

Важным отличием этой конференции от предыдущих стала организация подачи заявок на участие самими студентами. Было разослано информационное письмо, студенты заранее писали аннотации к предполагаемым докладам, затем все заявки посылались руководителям секций, которые осуществляли их отбор.

Главная задача конференции — создать такую площадку, на которой могли бы объединить свои исследовательские усилия сильные студенты из самых разных университетов. Организаторы специально ориентировались на междисциплинарные исследования. Главное — интерес к социологии и высокое качество работы. И это дало результаты: подали заявки и студенты филологического факультета, и отделения психологии. На конференцию прислали тезисы будущие политологи и специалисты по информатике. В целом было подано 49 заявок, 41 из них были включены в программу конференции.

В этом году конференция впервые получила статус межвузовской. Можно признать, что этот опыт оказался успешным: 14 участников представляли другие вузы, еще трое — московский кампус ВШЭ. Надо отметить, что на конференцию пришли не только выступающие, но и просто заинтересованные слушатели. В частности, в регистрации отметились и оставили свои электронные координаты 65 студентов.

Одной из важных функций конференции является налаживание контактов, планирование совместных работ. Мы очень надеемся, что наша конференция будет способствовать созданию контекста, стимулирующего студентов активно заниматься исследованиями. О некоторых результатах можно говорить уже сейчас. К ним относится данный сборник тезисов докладов, отобранных руководителями секций.

Студенческая конференция — дело, прежде всего, обучающихся. Думается, что в дальнейшем студенты еще активней будут принимать участие и в ее планировании, и в ее организации. В заключение хочется поблагодарить членов организационного комитета, студентов факультета социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург: Александра Кустова, Антона Казуна, Наталью Ефремову, Анастасию Матюхину и, особенно, Алексея Горгадзе.

1. ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА (РУКОВОДИТЕЛЬ — КОЛЬЦОВА О.Ю.)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИОЛОГОВ-БЛОГГЕРОВ В ЖИВОМ ЖУРНАЛЕ

Авторы:

Кустов Александр Николаевич,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 4-й курс,

E-mail: koustov.alexander@gmail.com

Петрова Тамара Игоревна,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 4-й курс,

E-mail: petrova.toma@gmail.com

Научный руководитель:

Сафонова Мария Андреевна,

старший преподаватель кафедры социологии,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Целью проведенного исследования было подробное описание сети русскоязычных профессиональных социологов, ведущих блоги на сервисе Livejournal.com. Данные были собраны с публичных профилей социологов на сервере Livejournal.com, а также с сайтов аффилированных организаций. Обработка и визуализация данных осуществлялась с помощью программного обеспечения ORA и UCINET.

Под *социологами* понимались как профессионалы, непосредственно работающие в данной сфере, так и студенты, получающие в данный момент социологическое образование и выражающие определенный интерес к дисциплине. Объектом исследования является социальная сеть¹, образованная «отношениями дружбы»² социологов, ведущих блоги на Livejournal.com. Предметом исследования выступают структура сети, основные характеристики сети, а также составляющих ее субгрупп и агентов.

Отбор агентов для сети проходил в несколько этапов. Их поиск осуществлялся как в профессиональных социологических ЖЖ-сообществах, так и методом «снежного кома». На конечном этапе отбора главными критериями были следующие: наличие записей с 1 января 2011 года (таким образом были исключены «заброшенные» дневники, не актуальные для исследования), а также наличие записей на социологическую или близкую ей академическую тематику³. В итоге была сформирована

¹ Под *социальной сетью* понимается социальная структура, состоящая из агентов (узлов) и различных отношений (связей) между ними. В данном случае сеть состоит из профессиональных социологов и отношений дружбы.

² Под *отношениями дружбы* в данном исследовании понимается, прежде всего, публичная подписка одного агента сети на сообщения другого, традиционно понимаемая и определяемая в блоггинг-сервисах и других социальных интернет-сервисах как «добавление в друзья».

³ Записи в дневниках агентов искались по тэгам «социология», «о социологии», «социологическое» или тэгам, содержащим имена ученых-социологов и социологические термины (например, довольно популярным вариантом у отобранных агентов был «габитус»). Кроме того, мы рассматривали графы часто употребляемых слов в ЖЖ каждого потенциального агента (при помощи инструмента «Ваши любимые слова» <http://stanislav.mikov.name/tests/lj/ljcluster>) и признавали наличие у него социологических записей, если среди любимых слов были социологические термины, имена ученых-социологов и т.д.

сеть из 58 агентов. Связь между агентами кодировалась номинальным способом, как направленная. После отбора агентов и кодировки отношений между ними им были присвоены следующие атрибуты: пол, возрастная группа, учреждение получения последнего высшего образования, место работы или учебы в настоящий момент, наличие опыта работы или учебы за рубежом. В случае, когда не все эти данные были указаны в профиле пользователя ЖЖ, мы находили недостающую информацию об агенте в Интернете по его реальному имени, указанному в ЖЖ. Стоит отметить, что хотя отобранные социологи проживают в разных городах и странах и работают или учатся в различных организациях, существуют определенные социологические центры, с которыми так или иначе связано большинство агентов. Так, большая часть живет в Москве и Санкт-Петербурге и работает/учится в НИУ ВШЭ, ЕУ, СПбГУ, РАН или МВШСЭН.

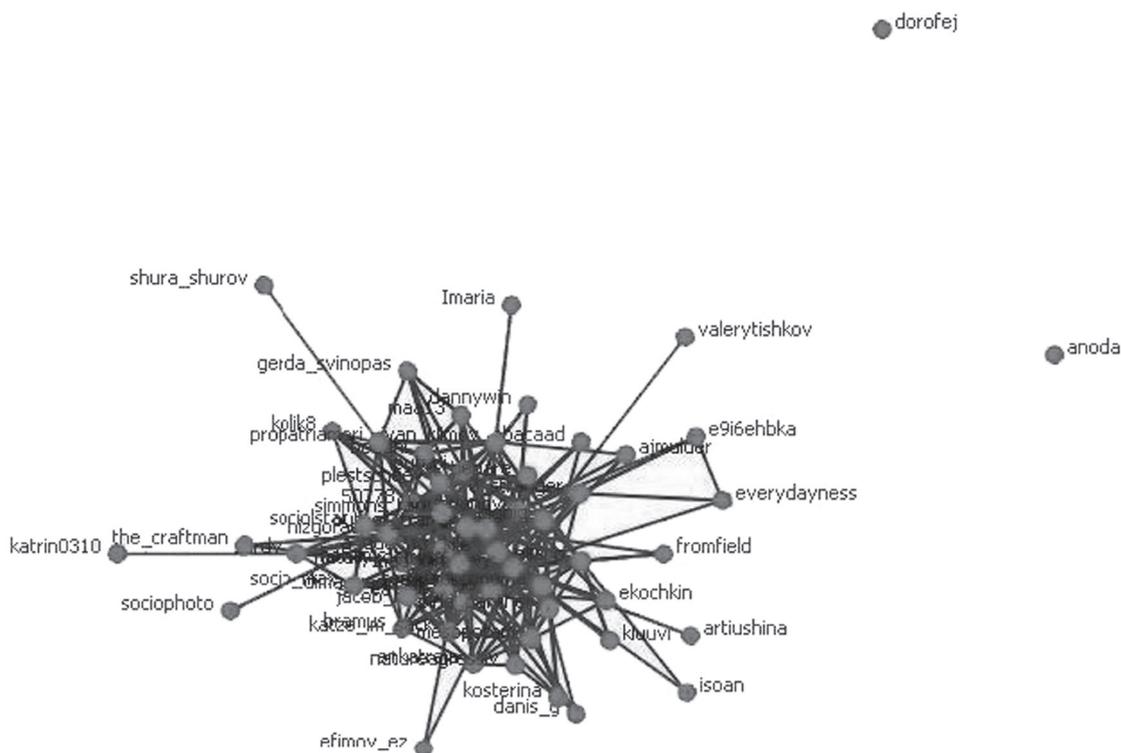

Рис. 1. Структура сети социологов-блоггеров

Структура нашей сети представляет собой довольно плотное ядро и периферию (рис. 1).

Плотность нашей сети довольно низка: 0,122, что является типичным для Интернета. Кроме того, сеть характеризуется высокой степенью неравенства, о чем говорят показатели централизации: показатель централизации сети по исходящим связям составил 53%, а по входящим — 49%. Высокая централизация означает, что вся сеть держится на небольшом количестве самых влиятельных узлов, при исчезновении которых сеть может распасться на более мелкие компоненты.

При измерении разного рода показателей, характеризующих позиции агентов в сети (in-degree centrality⁴, out-degree centrality⁵, bonacich power⁶, betweenness⁷), мы получали практически идентичные списки сильных и слабых агентов. К слабым, как правило, относятся молодые студенты из различных городов России (включая Москву и Санкт-Петербург), не успевшие в полной мере зарекомендовать

⁴ Количество входящих связей у агента (тех, кто добавил его в друзья).

⁵ Количество исходящих связей у агента (тех, кого он добавил в друзья).

⁶ Показатель, измеряющий степень властности агента.

⁷ Показатель промежуточности измеряет число связей, проходящих через одного агента. Если он высокий, то агент соединяет большое количество узлов друг с другом и является «брокером».

себя в науке, или уже работающие социологи из провинции, которые менее плотно взаимодействуют с другими агентами, вероятно, в силу географической удаленности. Иногда ими могут быть видные социологи, которые просто не добавляют никого в ЖЖ. К числу сильных агентов относятся студенты или аспиранты, еще только начавшие свой карьерный путь (предположительно связанный с социологией).

Что касается межгруппового и внутригруппового воздействия, то было отмечено отсутствие четких относительно замкнутых групп: как по возрасту, так и по связи с каким-либо учебным или научным учреждением⁸. Скорее всего, это связано с тем, что многие агенты учились в одном или нескольких вузах, а затем работали в другом вузе и, следовательно, общались друг с другом в режиме «офлайн».

Как мы выяснили в ходе исследования, в Интернете стерты некоторые существующие в «офлайне» социальные границы. Обрести настоящую популярность здесь может даже студент. Вопросом для будущего исследования остается следующий: каким образом этот престиж достигается? Возможно, при помощи ведения интересного блога, однако критерии интереса еще должны быть изучены. Кроме того, измерение частоты комментариев блогов при помощи специального программного обеспечения позволило бы проверить, насколько на самом деле читаемы блоги выявленных нами сильных агентов сети.

⁸ Группы строились по принципу «связан/не связан (учился или работал) с каким-либо заведением».

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ СОСТАВЛЕНИЯ ВЫБОРОК ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЛОГОВ

Автор:

Павлова Юлия Валерьевна,
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии,
1-й курс магистратуры,
E-mail: Julia.v.pavlova@gmail.ru

Научный руководитель:

Кольцова Олеся Юрьевна,
доцент кафедры социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
декан факультета социологии

В своих исследованиях социологи обычно имеют дело с людьми, поэтому объем, структура, основные характеристики и методы определения генеральной совокупности им хорошо знакомы. В работе с блогосферой определение границ генеральной совокупности затруднительно: сколько и какие блогеры брать в качестве генеральной совокупности, какими характеристиками они должны обладать, чтобы быть в нее включенными — это вопросы, на которые необходимы ответы. Основная цель проекта¹, в рамках которого выполнена эта работа — разработать комплексную методику социологического анализа русскоязычной блогосферы, а именно: извлечь все тексты, соответствующие тематике исследования (теме ислама) за определенный период, разделить корпус текстов на семантически близкие кластеры и сопоставить их с группами, полученными методом сетевого анализа, и, таким образом, обнаружить сети/сообщества, освещающие тему ислама в русскоязычных блогах. Задача автора доклада в рамках проекта — разработка методологии формирования генеральной совокупности для данного исследования. В этом отношении обнаружен ряд проблем.

Первая проблема состоит в том, что именно считать блоггом. Эта проблема здесь не рассматривается, так как в настоящее время социолог, начиная исследование, не решает, что именно считать блоггом. За него это делают поисковые системы, у каждой из которых есть свои параметры отнесения текста к ряду блоггов, и самое большее, что может сделать социолог — это эксплицировать ограничения той или иной системы.

Вторая проблема — это выбор единицы анализа, то есть из чего именно формировать генеральную совокупность: из блоггов, постов, комментариев. Так как нас интересует именно тематическая подборка блоггов, то за единицу анализа стоит брать пост, поскольку он чаще всего посвящен только одной теме, в отличие от блога, который содержит в себе высказывания на различные темы различных жанров.

Третья, и главная проблема, с которой сталкивается исследователь — это проблема операционализации критериев принадлежности выбранных единиц анализа к генеральной совокупности. В обычных социологических исследованиях, когда происходит формирование генеральной совокупности, эти критерии достаточно ясны или, во всяком случае, привычны: пол, возраст, семейное положение. В нашем случае основной характеристикой для включения в генеральную совокупность является принадлежность поста к исследуемой теме. Определение наличия у блога этой характеристики далеко не так самоочевидно, как определение половозрастных характеристик человека, и требует разработки специальной процедуры.

В качестве основы такой процедуры трудно предложить что-либо, кроме многоступенчатой экспертизы. В начале исследования дается операционализация понятий, которые будут использованы при работе с экспертами. В рамках осуществляемого проекта исследователями даны определения, что считать исламом и исламским событием. Таким образом, эксперту понятно, какие именно тексты считать релевантными теме исследования, и, тем самым, он может дать исходную информацию в виде списка слов, терминов или событий, относящихся к данной теме.

¹ Проект «Разработка методологии сетевого и семантического анализа блоггов для социологических задач», рук. Кольцова Е.Ю., грант Научного фонда ГУ ВШЭ в рамках конкурса «Учитель–Ученики 2011–2012 гг.»

На основе предложенного ими списка событий или терминов выкачивается тестовая коллекция текстов, найденная с помощью поисковой системы среди постов блогов. Эти тексты в дальнейшем передаются тем же экспертам либо кодировщикам для двух задач: для проверки качества списка слов с помощью ручной классификации постов данной коллекции на релевантные или нерелевантные, и для обнаружения упущенных ранее важных терминов или исключения нерелевантных. В рамках второй задачи также производится автоматический анализ частот слов в тестовой коллекции постов, признанных релевантными, по сравнению со случайной коллекцией. Это позволяет выявить лексику, специфическую для данной тематики, и включить ее в список ключевых терминов. На основе полученных данных происходит пополнение списка терминов или событий до тех пор, пока не прекратит появляться новая информация.

Далее с помощью автоматического отбора текстов по окончательному списку происходит формирование генеральной совокупности исследования. Автоматизированный процесс отбора релевантных текстов как для тестовой коллекции, так и для окончательной генеральной совокупности также необходимо проверять вручную с помощью кодировщиков. Такая проверка тоже может носить итеративный характер. Для уменьшения субъективности кодировщиков обычно проводится их обучение, а затем проверка надежности интеркодирования. В ходе нее исследователь предлагает для анализа один и тот же текст нескольким кодировщикам и проверяет, насколько сходятся их результаты. Надежными считаются те результаты, в которых кодировщики сходятся. Если расхождение слишком большое, может происходить дополнительное обучение кодировщиков, удаление параметра или другая корректировка исследования. Если расхождение минимально, кодирование может быть продолжено без дублирования одним кодировщиком других на одном и том же массиве данных.

Для проверки надежности интеркодирования разработаны различные коэффициенты: Percent agreement, Holsti's method, Scott's π (p), Cohen's kappa (k), Krippendorff's alpha (α), Perrault & Leigh's I_r . По результатам пилотного анализа применяемых для проверки надежности интеркодирования коэффициентов можно сделать вывод, что самым приемлемым для анализа блогосферы является Krippendorff's alpha, так как он подходит для работы с большим объемом информации и возможен расчет для нескольких кодировщиков.

Таким образом, методологическим решением основной проблемы определения границ генеральной совокупности является создание автоматизированного интерактивного процесса отбора единиц анализа на основе первичной информации, выданной экспертами, который в каждом новом исследовании проверяется вручную с помощью кодировщиков, и которые сами также подвергаются проверке друг другом с помощью расчетов коэффициентов надежности интеркодирования.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЛОГОВ: ВЫБОР АЛГОРИТМА КЛАСТЕРИЗАЦИИ ТЕКСТОВ

Автор:

Терещенко Елизавета Александровна,
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии,
1-й курс магистратуры,
E-mail: eliza.ter@gmail.com

Научный руководитель:

Кольцова Олеся Юрьевна,
доцент кафедры социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
декан факультета социологии

Вопросы, которые освещаются в докладе, поставлены и разрабатываются в рамках проекта «Разработка методологии сетевого и семантического анализа блогов для социологических задач», поддержанного Научным Фондом ГУ ВШЭ в рамках конкурса «Учитель–Ученики 2011–2012 гг.» Целью проекта является разработка комплексной методики решения типичных социологических задач, направленных на изучение социальной реальности, представленной в Интернете. В проекте изучается, каким образом в блогах отражается различная тематика (например, тематика ислама), и как на основании этой тематики блоги можно классифицировать. В таком случае объектом анализа выступают посты блогов, которые есть не что иное, как массив текстов. При этом значительный размер такого массива не позволяет разделить тексты на группы вручную, поэтому исследователь стоит перед необходимостью пользоваться автоматизированными алгоритмами, воплощенными в специальном программном обеспечении (ПО) и неразрывно с ним связанными.

Для такого тематического анализа текстов и последующей классификации блогов можно использовать различные методы кластеризации. Таким образом, общая задача проекта может быть сформулирована как осуществление тематической классификации текстов блогов, наша непосредственная задача — поиск алгоритма кластеризации, адекватного объекту анализа.

Кластеризация — это процесс разделения совокупности объектов на однородные группы (кластеры или классы). При этом группировка происходит таким образом, чтобы сходство между объектами было максимальным, если они принадлежат к одной группе, и минимальным — если к разным.

Для изучения больших объемов данных используют неиерархические методы кластеризации, основанные на разделении. К таким алгоритмам относят самый популярный алгоритм k -means; общим недостатком алгоритмов этого класса является необходимость предварительно указывать количество кластеров. Также важно учитывать, что один текстовый объект может относиться к нескольким кластерам одновременно (этот подход к кластеризации называется «нечеткая кластеризация»), на больших массивах данных такой подход пока почти не реализован.

Сходство текстов обычно определяется по наличию в них общих слов и по сходству частот этих слов; более сложные алгоритмы, работающие со словосочетаниями, на больших массивах пока не отработаны. Для всех методик этого типа коллекция, в которой находится n документов и m различных терминов, представляется в виде матрицы $m \times n$, элементы которой — частоты терминов в соответствующих текстах. Таким образом, каждый текст — вектор в m -мерном пространстве, поэтому такая форма представления текста называется векторной. Для приведения текста к векторной форме все слова в нем сначала должны быть приведены к своей основе — лемме.

В ходе анализа блогов был выявлен ряд их особенностей как текстов:

1. Большое количество блогов содержит короткие тексты, то есть тексты с низкими частотами ключевых слов, что затрудняет кластеризацию документов на основе частотного анализа.
2. Блоги часто используют неформальную лексику, что затрудняет приведение слов к их леммам и правильный подсчет их частот.

Проверять влияние этих ограничений на результаты еще предстоит. Как уже говорилось, для анализа больших объемов текстов социолог вынужден пользоваться ПО, в основе которого лежат специали-

зированные алгоритмы, и подбор ПО представляет собой отдельную, не только техническую, но и содержательную задачу.

Наиболее полный обзор алгоритмов кластеризации текстов сделан в статье [Andrews & Fox]. Для поиска необходимого для работы ПО были также использованы обзоры программ [Ландэ, 2005] и [Carpineto et al., 2009].

Для выбора ПО были разработаны признаки-характеристики, которым должны соответствовать программы. На этапе предварительного выбора ПО оценивалось по таким характеристикам, как доступность, возможность его работы с русским языком, способность обрабатывать большие массивы данных. Для второго этапа важнейшей характеристикой являются используемые алгоритмы кластеризации, в том числе такие их показатели, как вычислительная сложность, быстродействие, способность самостоятельно определять количество кластеров и работать с многообразными коллекциями.

На первом этапе было выбрано следующее ПО: gCLUTO, HAMLET, TextAnalyst, Carrot2, PolyAnalyst и NeuroXL Clusterizer. В рамках второго этапа уже удалось протестировать первые три из указанных программ: была взята предварительно сформированная текстовая коллекция и на ней были опробованы алгоритмы кластеризации, предлагаемые этими программами.

Нами сделан краткий обзор протестированных программных продуктов.

gCLUTO [George Karypis, <http://glaros.dtc.umn.edu/gkhome>] — программа для кластеризации и визуализации результатов кластеризации. Преимуществом данной программы является то, что используемые в ней алгоритмы опубликованы и известны их сильные и слабые стороны. Программа использует иерархический агломеративный и неиерархический методы кластеризации. Основная проблема состоит в том, что исследователю нужно самому, часто интуитивно, определять количество кластеров.

HAMLET [ESRC (National Centre for Research Methods) и Bruno Hopp GESIS (Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften)] — программа, которая выполняет семантический и символический анализ текстов, может осуществлять иерархический и неиерархический кластерный анализ. Принципы работы алгоритмов данной программы нигде не опубликованы. При этом ограничения по объему входных данных в доступной тестовой версии затрудняют оценку работоспособности программы.

TextAnalyst [Microsystems, Ltd, <http://www.analyst.ru>] — программа с широким функционалом, включая реферирование и кластеризацию текстов. Максимальный объем анализируемой выборки текстов не ограничен, что является главным достоинством этой программы. Однако доступ к алгоритмам программы ограничен.

На втором этапе оценки программного обеспечения обзор шести отобранных программ будет закончен. Этот этап также будет включать апробацию программного обеспечения, оценку его работы и качества кластеризации (которая может быть выполнена математическими методами или с привлечением экспертов).

ИСТОЧНИКИ

1. Ландэ Д.В. Поиск знаний в Internet. Профессиональная работа. М.: Изд. дом «Вильямс», 2005.
2. Andrews N.O., Fox E.A. Recent Developments in Document Clustering, Technical Report TR-07-35 // Computer Science. Virginia Tech. 2007. URL: <http://eprints.cs.vt.edu/archive/00001000/>.
3. Carpineto C., Osiński S., Romano G., Weiss D. A survey of Web clustering engines // ACM Computing Surveys (CSUR). 2009. № 3.
4. Karypis G. URL: <http://glaros.dtc.umn.edu/gkhome>.
5. ESRC (National Centre for Research Methods) и Bruno Hopp GESIS (Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften).
6. Microsystems, Ltd. URL: <http://www.analyst.ru>.

ЭТНИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Авторы:

Хван Ирина Сергеевна,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 3-й курс,
E-mail: khvan.ira@gmail.com

Горгадзе Алексей Алексеевич,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 1-й курс,
E-mail: akyna@mail.ru

Сукиасян Егине Андраниковна,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 2-й курс,
E-mail: egine92s@mail.ru

Сухарев Кирилл Валерьевич,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 1-й курс,
E-mail: k.suharev@mail.ru

Остапенко Марина Евгеньевна

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 3-й курс,
E-mail: marinkaostapenko@gmail.com

Маргарян Мэри Араиковна

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 1-й курс,
E-mail: mary.margaryan@inbox.ru

Костенко Вероника Викторовна,

Европейский Университет, 1-й курс аспирантуры,
E-mail: veronika.kostenko@gmail.com

Научный руководитель:

Александров Даниил Александрович,

профессор кафедры социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
заведующий Научно-учебной лабораторией
социологии образования и науки

В процессе глобализации национальные границы стираются, миграция возрастает, появляются не только реальные, но и виртуальные этнические сообщества.

Основной целью нашего проекта является изучение этнических сообществ на сайте Vkontakte.ru, на котором они создают этнические группы. Этот сайт был выбран, так как мы предполагали, что это самый популярный сайт социальных сетей. Однако сейчас мы понимаем, что, например, среди армян сайт Odnoklassniki.ru более популярен, а прибалтийские этнические группы и вовсе не объединяются на взятом сайте, что может быть весьма объяснимым. Поэтому данная часть нашего исследования посвящена только одному сайту, однако в дальнейшем планируется исследование и других сайтов социальных сетей.

В исследовании можно выделить три основных этапа работы:

1. Выявление географического распределения образовательной миграции в России.
2. Поиск и анализ этнических студенческих виртуальных сообществ и их локализации.
3. Определение связности между разными виртуальными сообществами одной этнической группы методом сетевого анализа.

На данный момент в рамках этих направлений собрано большое количество статистических данных, которые будут подробно представлены ниже.

Выявление географического распределения образовательной миграции в России

Задача этого этапа — определить географическое распределение образовательных мигрантов из стран бывших советских республик, а также двух культурно-уникальных регионов России — Чечни и Дагестана, чтобы было возможно ввести в анализ все северокавказские республики.

Для сбора данных мы использовали информацию, которую студенты сами выкладывают в социальной сети Vkontakte. Мы искали приезжих студентов при помощи «подробного поиска», а именно воспользовавшись функциями поиска «университет», «школа». В качестве места обучения в школе мы выбирали страну, откуда приехал студент, и отдельно искали приехавших из столицы. А в поле «университет» выбирали страну «Россия» в целом и каждый город РФ, приведенный в предложенном списке городов.

В этом списке находятся 19 городов, включая Москву и Санкт-Петербург. Кроме них там есть Великий Новгород, Волгоград, Екатеринбург, Казань, Калининград, Краснодар, Красноярск, Мурманск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Уфа, Челябинск. В список входят города-миллионники и несколько крупных городов, следующих непосредственно за ними по численности населения. Есть исключения: Великий Новгород, Мурманск и Калининград входят в этот список не из-за своих размеров, а потому что среди студентов Санкт-Петербурга, для которых изначально создавался Vkontakte.ru как закрытая сеть, есть много людей из этих городов.

Анализируя наши данные, мы также учитывали, что например, с Украины могут приезжать не только этнические украинцы, но в этом отчете мы называем украинцами всех приезжих с Украины.

В ходе анализа выделены наиболее и наименее популярные города для абитуриентов из бывших советских республик, подсчитаны отношения, показывающие долю студентов из соседних республик в общем числе студентов данных городов.

Полученные данные мы визуализировали с помощью карт (рис. 1).

Мы разделили этнические группы на три подгруппы: страны с преимущественно славянским населением (Украина, Белоруссия, Молдавия), республики Кавказа, как независимые, так и входящие в состав РФ (Грузия, Чечня, Армения, Дагестан и Азербайджан), среднеазиатские государства (Казахстан, Киргизия, Туркмения, Узбекистан и Таджикистан).

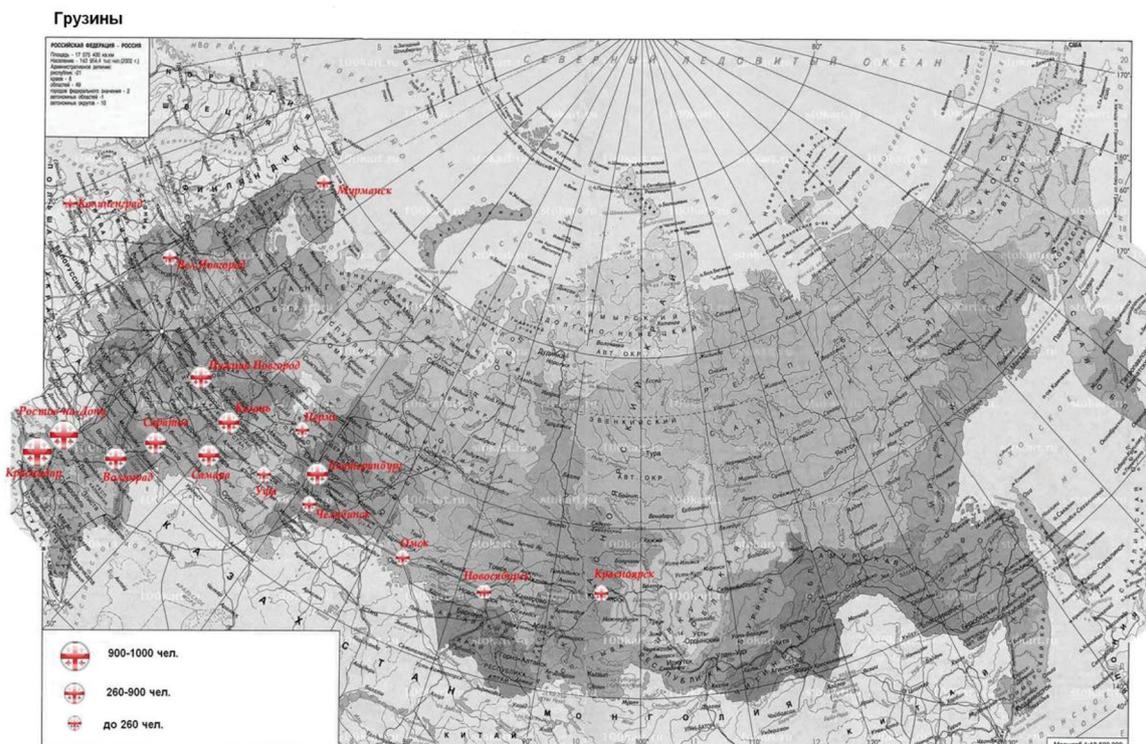

Рис.1. Миграция из Грузии

По полученным данным можно сделать вывод, что выходцы из первой группы стран предпочитают учиться в Великом Новгороде, а меньше всего их можно встретить в Уфе (рис. 2). Наше мнение о том, по каким причинам это происходит, будет подробнее описано дальше.

Среди представителей кавказских республик большой популярностью пользуется Ростов-на-Дону, а не привлекает их Мурманск (рис. 3).

Рис. 2. Миграция из Белоруссии, Украины, Молдавии

Рис. 3. Миграция с Кавказа

В группе среднеазиатских государств популярностью пользуется город Казань, а самым непопулярным городом также является Мурманск (рис. 4).

Рис .4. Миграция из Средней Азии

У нас уже есть ряд гипотез, связанных с географическим положением городов, культурно-региональными особенностями и так далее. И следующим шагом нашего исследования будет проверка этих гипотез.

Поиск и анализ этнических студенческих виртуальных сообществ и их локализации

Целью этой части исследования является возможность проследить и изучить студенческие этнические виртуальные сообщества, а именно, их географическое местоположение и принадлежность к вузу. Это даст нам сведения о популярности того или иного вуза и города среди определенных этнических групп. Конечно, мы допускаем, что они могут быть не совсем точными, но полагаем, что люди пишут неправду приблизительно в равной степени для каждой группы, поэтому считаем вправе сравнивать данные по разным этническим объединениям.

Под этническими студенческими группами мы понимаем студенческие этнические сообщества, создавшие виртуальные группы на сайте *Vkontakte.ru* (армяне МГТУ им. Баумана или Ассоциация чеченцев ГУ ВШЭ).

На рис. 5 можно увидеть полученные результаты. Размер кружка отображает количество групп в одном из городов.

Самое большое количество этнических студенческих групп находится в Москве (70 групп), затем в Санкт-Петербурге (8 групп), далее идет Ростов-на-Дону, Самара, Екатеринбург (4 группы), потом Новосибирск, Краснодар (3 группы), также Новгород, Волгоград, Челябинск (2 группы), в остальных городах — по одной группе.

На графике (рис. 6) представлены вузы, в которых существуют более одного этнического студенческого сообщества. В результате мы выяснили, что в РУДне и в РЭА им. Плеханова больше всего таких этнических студенческих сообществ (по 5 групп).

На первом месте по количеству студенческих групп — армяне (46 групп), а на последнем месте — узбеки (1 группа).

В результате нашего исследования мы пришли к трем интересным выводам:

1. В Москве создается наибольшее количество этнических студенческих организаций. Интересно, что это число значительно отличается от количества этнических организаций в Санкт-Петербурге, хотя эти города довольно похожи.

2. В таких вузах, как РЭУ им. Плеханова и РУДн, больше всего этнических групп «*vkontakte*».

3. Наибольшая часть всех этнических студенческих сообществ состоит из армянских объединений.

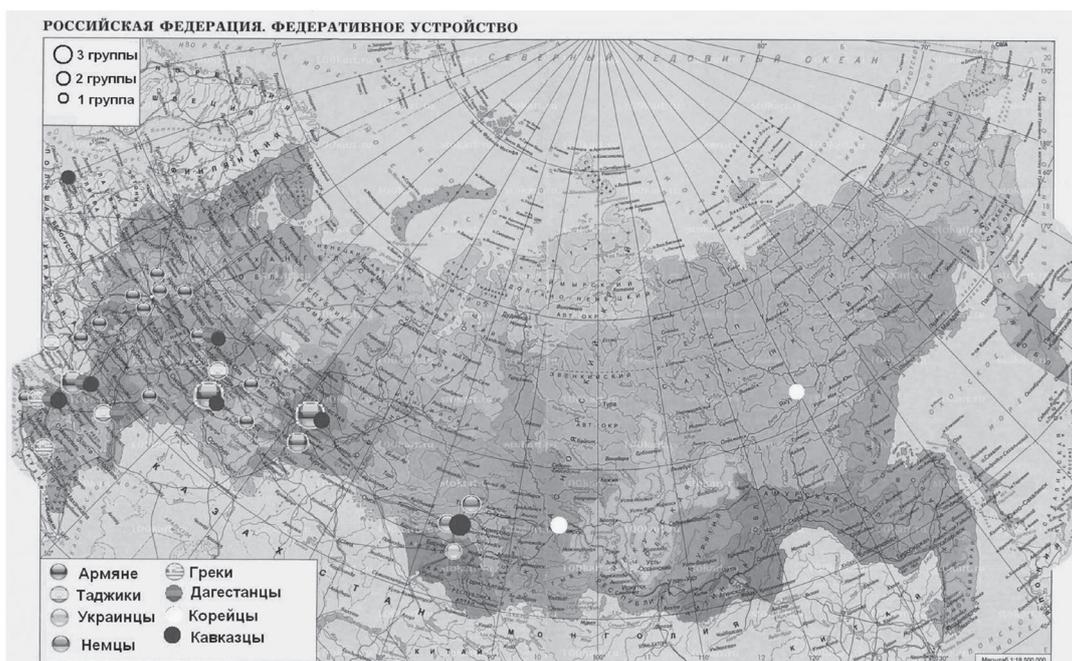

Рис. 5. Студенческие объединения

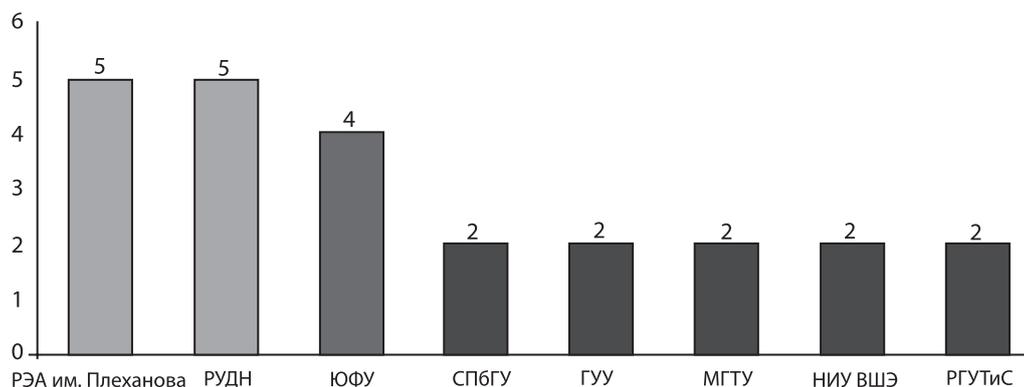

Рис. 6. Вузы, в которых существует больше одного объединения

Определение связности между разными виртуальными сообществами одной этнической группы методом сетевого анализа

Цель данного направления исследования — сравнить связность этнических групп. Данные для этого подраздела собирались из «групп-друзей», сейчас это просто «ссылки» в каждой этнической группе. Таких групп мы брали одинаковое количество для всех этничностей (30 групп).

Маркеры этнического виртуального сообщества:

1. Название. В названии упоминается наименование этничности («Армяне объединяйтесь»).
2. Описание группы («Группа для кавказцев и их друзей»).
3. Участники, администраторы — фамилии иностранного происхождения.
4. Обсуждения.
5. Группы-друзья.

Интересно, что из всех взятых нами этнических групп есть такие, которые не соответствуют общей тенденции. Так, например, прибалтийские страны (Эстония, Латвия, Литва) абсолютно не поддаются сетевому анализу, потому что число этнических групп всех трех стран не превышает и пяти, когда для всех остальных стран мы брали по 30.

При построении социальных сетей почти все этнические сообщества показали примерно равный уровень связности. Исключением, однако, стали узбекские этнические сообщества, у которых очень мало «групп-друзей», и тем более мало связей с такими же этническими группами.

Таким образом, нам удалось рассмотреть каждое этническое сообщество с трех сторон: количество приезжих студентов, объединение студентов, принадлежащих одной и той же этнической группе, и, наконец, связанность этнических сообществ между собой. В дальнейшем мы собираемся развивать эти темы исследования, но не только в рамках данного сайта.

2. МОЛОДЕЖНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЦЕНЫ КРУПНОГО ГОРОДА: ПРАКТИКИ, ПРОСТРАНСТВА И СТИЛИ (РУКОВОДИТЕЛЬ — ОМЕЛЬЧЕНКО Е.Л.)

ХИПСТЕРЫ: НОВЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ

Автор:

Новикова Любовь Сергеевна,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 4-й курс,

E-mail: novikova_lyubov@mail.ru

Научный руководитель:

Омельченко Елена Леонидовна,

доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Темп изменений современного общества все больше ускоряется. Культурные перевороты, которые произошли в эпоху постмодерна, существенно повлияли на жизнь самого прогрессивного слоя общества — молодежи. Молодежные сцены «нулевых» представляют собой плацдарм для потребительской конкуренции внутри молодежных субкультур. Российское общество пережило бум развития клубной и шопинг-культуры. Значение технических новшеств, внешнего облика, стиля, практик проведения досуга стали неотъемлемыми элементами статусной борьбы в кругу молодежи.

В потребительских практиках стоит отметить две наиболее важные тенденции. Первая — это престижное потребление, которое получило свое развитие в связи с образованием многочисленных торговых центров, появлением на рынке моды магазинов типа масс-люкс, а также общей модернизацией потребительских практик. Потребление разграничивает молодежные сообщества на «гопников» и «гламурных», тем самым задавая систему координат определения потребительского статуса российской молодежи.

Вторая тенденция является абсолютным противопоставлением первой — это антипотребление или альтернативное потребление, получившее свое развитие на Западе. Оно включает в себя отказ от приобретения новых вещей, покупку секонд-хенда, самостоятельное производство, DIY, заимствование предметов одежды из «бабушкиного сундука», винтаж. Антипотребление — это противостояние массовому паттерну потребительской истерии. Практики такого рода — достаточно новый тренд, однако уже институционализированный не только в крупных городах, но и на периферии.

Объектом моего исследования стало сообщество хипстеров, парадоксально соединившее в себе эти два типа потребления. Проблематизация конструируется вокруг теоретического конфликта сверхориентации на потребление и претензии на отказ от бездумного консюмеризма. На российский рынок приходит тренд «магазина идентичностей», где молодые люди свободно выбирают, «ищут себя». Еще одна исследовательская задача — рассмотрение новых средств языка потребления одежды в рамках сообщества хипстеров.

Исследование, которое было представлено на конференции, включает в себя 15 глубинных интервью, проведенных с молодыми людьми, ведущими схожий образ жизни, а также включенное наблюдение в трех клубах Санкт-Петербурга.

В результате исследования была обнаружена интереснейшая классификация хипстеров на teen, hip и vip, а именно внутригрупповая возрастная дискриминация, характерная не только для данной группы.

Другим трендом является институционализация модных трендов, появившихся изначально внутри данной культуры. Секонд-хэнды стали пользоваться популярностью у молодежи, что является весьма удивительной и новой тенденцией. Причиной этого интереса стали европейские паттерны потребления, наличие «истории» у подержанных вещей, а также их цена. При появлении авторских секонд-хэндов цены на вещи с историей, «патиной» начали расти и приблизительно достигли уровня цен некачественного, но нового масс-люкса. Экономика города приспособляется к быстро распространяющимся трендам моды, толчок которым дал именно хипстеризм.

Также подчеркну появление у российской молодежи возможности создавать self-image, конструировать свою идентичность с помощью определенных знаков, вещей, культурных и потребительских практик. Прежде всего, это связано с тем, что дети 90-х годов выросли при рыночной экономике, которая предоставляет им возможность выбора, а также с развитием среднего класса, который может себе позволить потреблять данные блага. Современный темп жизни большого города диктует условия самовыражения и поиска уникальности стилей (рис. 1, 2).

Язык одежды становится шире, совершенно новое явление для молодежной среды — это демонстрация и визуализация интеллектуальности, ярче всего отразившаяся в тренде ношения очков вне зависимости от зрения.

И, наконец, упомянутая мной российская специфика потребления хипстеров. Замечу, что в работах предшественников создается несколько другая картина хипстерского потребления. Такой нюанс, как сочетание массовой, высокой моды и потребление товаров б/у или DIY, является пережитком актуальности демонстративного потребления среди россиян.

Предмет исследования многогранен и перспективен. В будущем планируется подробный контент-анализ визуальных источников, а также количественное исследование с использованием анкетирования. Российское молодежное поле изобилует новыми трендами, которые, по моему мнению, остаются актуальными и достойными исследования.

Рис. 1. Фоторобот российского хипстера. Автор: Ю. Мосина

Рис. 2. Фоторобот российского хипстера. Автор: Ю. Мосина

Стоит также отметить, что тип молодежного потребления, описанный в данном тексте, представляется интересным прежде всего в смысле глобальных культурных влияний на практики молодежи не только в России, но и по всему миру. После падения СССР индивидуалистские стратегии поведения проникли практически во все сферы жизни молодежи, что колоссально отличает данный тип поведения от 90-х и 80-х годов. «Я» современной молодежи находится в центре экономических и потребительских практик, переход на рыночную систему экономики создал своего рода рынок молодежных статусов, на котором каждый ориентируется на себя. Доктринальное оформление хипстерской культуры привело к повышенному социальному интересу к ней. «Нулевые» демонстрируют повышенную важность самопрезентации для молодежи, которая часто сама создает пространства для данной презентации и заимствует иностранные паттерны, которые при адаптации в России перерастают в квинтэссенцию культур, уникальную стратегию, отличающуюся от опыта других стран.

ПОТРЕБЛЕНИЕ МУЗЫКИ В УСЛОВИЯХ МАССОВОГО ИНТЕРНЕТА: ПОВОРОТ К ЗВУКУ 1980-х

Автор:

Кудряшов Максим Александрович,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии,

2-й курс магистратуры,

E-mail: budgies@mail.ru

Научный руководитель:

Омельченко Елена Леонидовна,

доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

«Нулевые» годы, по мнению одних из самых известных русскоязычных музыкальных критиков Андрея Горохова [Горохов, 2009, с. 483] и Артемия Троицкого¹, стали для популярной музыки «потерянным (пропавшим) десятилетием». Это (возможно, излишне категоричное) соображение может быть подтверждено историко-музыкальным анализом: за последние десять лет в популярной музыке не возникло крупных жанров, а различные медиа-конструкты, призванные играть их роль (например, электрокэш, ню-рейв, «третья волна эмо», постпанк-ривайвл и т.д.), представляют собой вариацию на тему музыки и эстетики 80-х годов. В «цифровую эпоху», в связи с массовым распространением широкополосного Интернета (примерно с 2005 года), торрентов и файлообменных сервисов, стало возможным без особых усилий получать доступ к любой музыке («открытость музыкального архива» [Горохов, 2009, с. 484]). «Эпоха цифровой музыки» (digital music age) характеризуется также закатом локальных музыкальных сцен, «фрактализацией» [Горохов, 2009, с. 497–498] и формализацией музыкальных предпочтений (см., например, систему рекомендаций сайта Last.fm, использующую методы многомерного статистического анализа). Границы между «молодежными» музыкальными сообществами становятся размытыми, что отмечается теоретиками «постсубкультурного» подхода в молодежных исследованиях [Омельченко, 2004, с. 240–243; Bennet, Kahn-Harris, 2004, p. 1–18].

В противоположность современному положению, музыкальное потребление в «доцифровую эпоху» (pre-digital age) — в 80-е и 90-е годы — выделялось тем, что поиск и слушание музыки требовали значительных материальных и экзистенциальных инвестиций (вложений денег, времени, усилий), интенсивного использования социального капитала. На основе неформализованных музыкальных предпочтений возникали «большие» музыкальные сообщества и региональные музыкальные сцены (например, ленинградская, московская, свердловская и сибирская рок-сцены в СССР 80-х годов; гранж и «бристольский звук» в 90-е годы и т.д.). Существование этих сцен поддерживалось, в том числе, наличием больших транзакционных и информационных издержек. В отсутствие массового Интернета необходимо было вручную тиражировать материальные носители и транспортировать их физически. Поэтому в «доцифровую эпоху», особенно в 80-е годы, существовал чрезвычайно развитый музыкальный андеграунд.

Отличительная особенность музыкального потребления в «эпоху цифровой музыки» заключается в том, что музыка дематериализуется, превращается в информацию [Горохов, 2009, с. 497], подвергается «гиперинфляции», обесценивается: избыток легкодоступной музыки не обеспечивается вкладом в нее реальных чувств, эмоций, заинтересованности, вовлеченности. «Если бы группы играли не из-за прибыли, это бы прослеживалось в их музыке²».

¹ См. интервью Артемия Троицкого изданию gzt.ru (11 июня 2010 г.). URL: <http://www.gzt.ru/topnews/culture/nulevye-gody-sovershenno-pustoe-desyatiletie-/309946.html>.

² Цитата из интервью лидера гранж-группы «Pearl Jam» Эдди Веддера в документальном фильме «Hype!» (1996). Речь здесь может идти не только о финансовой прибыли, но и в смысле «приращения социального капитала». «Проследить» реальность музыки можно с использованием коннотативной семиотики. Ее возможности в деле музыкально-социологического анализа с успехом продемонстрировал Ролан Барт в блестящих эссе «Буржуазный вокал» [Барт, 2008] и «Зерно голоса» [Barthes, 1977].

Одной из тактик (по де Серто) возвращения музыке «былой ценности» является «музыкальный энафизм»³, отказ от потребления цифровой музыки и возвращение к покупкам физических носителей. Музыкальное маркетинговое агентство Nielsen SoundScan с 2007 года фиксирует рост продаж виниловых пластинок на американском музыкальном рынке (на фоне устойчивого негативного тренда в общих продажах физических носителей). В 2008 году рост продаж винила составил 124% [Cadeddu, 2009] и превысил относительный рост продаж цифровой музыки, а в 2010 году объемы продаж пластинок превысили таковые в начале 90-х годов. Одно из объяснений этого явления сводится к тому, что молодые люди («поколение iPod'а») устали от «цифровой культуры», «они хотят держать в руках реальные вещи». И даже: «они хотят принадлежать прошлому» [Italie, 2011]. Другое объяснение связывает «виниловый ренессанс» с последствиями мирового экономического кризиса: мир стал слишком неустойчивым, появилась потребность в «реальных», проверенных временем вещах и брэндах [Whitta, 2009].

Иная тактика заключается в слушании «ценной» музыки (безотносительно к типу носителя), какой представляется музыка 80-х. В Интернете существуют разноязычные (в том числе русскоязычные) комьюнити и блоги, посвященные обмену и обсуждению музыки восьмидесятых, в основном, малоизвестных, «забытых» (obscure) и «недооцененных» (underrated) электронных музыкантов. Особый интерес представляет то, что именно молодежь, сознательно/физически не жившая в 80-е годы и поэтому не могущая считать музыку того десятилетия ностальгическим «саундтреком жизни», все же рассматривает ее как «настоящую», «живую», и противопоставляет «фейковой»⁴ современной музыке. Психосемантический анализ отзывов о музыке 80-х (собранных как в вышеупомянутых интернет-сообществах, так и посредством фокусированных интервью) позволил сконструировать тезаурус, с помощью которого ее потребители обосновывают свой музыкальный выбор. Музыку 80-х годов ценят, прежде всего, за специфические «парамузыкальные» коннотации: «сентиментальность», «сладость», наличие особого «романтического духа», ощущение «хрупкости», «нежности», «искреннее» звучание.

80-е годы XX века являлись эпохой крупнейших перемен, техногенных катастроф и связанного с ними разочарования в техническом прогрессе, переосмысления телесности и сексуальности (в связи с пандемией СПИДа), «ядерной паранойи». Музыка с особым сентиментально-романтическим саундом являлась средством, позволявшим молодежи укрыться от экзистенциальных угроз, характерных для того десятилетия⁵. Современный рост популярности музыки 80-х можно объяснить тем, что в последние годы мир стал гораздо более ненадежным и тревожным (экономический кризис, климатические аномалии, ближневосточные революции, землетрясение в Японии), и молодежь обращается к уже когда-то проверенному способу защититься от опасностей, исходящих из внешнего мира.

ИСТОЧНИКИ

1. Барт Р. Буржуазный вокал. В: Мифологии. М.: Академический Проект, 2008. С. 240–243.
2. Горохов А. Музпросвет. М.: Изд. дом «Флюид», 2009.
3. Омельченко Е.Л. Культурные молодежные сцены России: между активностью и пассивностью // Правозащитное движение в России: коллективный портрет. М.: ОГИ, 2004. С. 107–117.
4. Barthes R. The Grain of the Voice. In: Image Music Text. L.: Fontana Press, 1977. P. 179–189.
5. Bennet A., Kahn-Harris K. Introduction // Bennet A., Kahn-Harris K. (eds.). After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2004. P. 1–18.

³ См. статью «Оставайся голодным» главного редактора русскоязычного издания журнала «MAXIM» Александра Маленкова, в которой он прямо призывает «не слушать mp3-музыку». 2007. URL: <http://i-mechanicus.ru/blog/108>.

⁴ От англ. fake – фальшивый, поддельный, ненастоящий.

⁵ Жизненные трудности и опасности, присущие 80-м годам, замечательно описаны в романе Д. Коупленда «Поколение Икс» (1991).

6. *Cadeddu L.* RIAA 2008 report on Music & Video sales: vinyl and music downloads are growing quickly // TNT-Audio – Internet HiFi Review. 2009. Апрель. URL: <http://www.tnt-audio.com/edcorner/april09.html>.

7. *Italie L.* Young people with old souls prefer records to CDs // The Washington Times. 2011, 21 марта. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2011/mar/21/young-people-with-old-souls-prefer-records-to-cds>.

8. *Whitta J.* When new vinyl music sales died, did they gain a treasured second life? // Brand Тао. 2009, 20 октября. URL: <http://brandtao.wordpress.com/2009/10/20/when-new-vinyl-music-sales-died-did-it-gain-a-treasured-second-life>.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА УЧАСТВУЮЩЕГО НАБЛЮДЕНИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СПОРТИВНЫХ ПРАКТИК: ТЕЛО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ КАК «ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ»

Автор:

Зиновьев Алексей Александрович,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии,

2-й курс магистратуры,

Центр молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,

E-mail: alekszinoviev@mail.ru

Научный руководитель:

Омельченко Елена Леонидовна,

доктор социологических наук, заведующая

кафедрой социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Спорт все больше проникает во все сферы общества. Существует ряд факторов, которые способствуют росту популярности различных спортивных практик в современном обществе.

С одной стороны, это связано с популярностью образа «спортивного тела», транслируемого посредством СМИ через рекламу, художественные фильмы, музыкальные клипы и т.д. Образ «спортивного тела», выставленный на показ, «говорит про образ жизни личности, включая диету, здоровый дух, самодисциплину и волю к действию» [Алкемайер, 2006, с. 141–146]. Тело становится самой важной частью личности: оно выступает ее видимой социальной формой.

С другой стороны, после того как тело перестало жестко контролироваться государством и попало под контроль рынка, индивиды должны заниматься «самоуправлением» или «телесным менеджментом» [Алкемайер, 2009, с. 194–213]. Рынок же чутко реагирует на различные потребности, связанные с телесными режимами, и предлагает свою «продукцию» — различные спортивные практики: от традиционных видов спорта до «спорта стиля жизни» в терминах Белинды Уитон [Wheaton, 2004, p. 1–29]. В каждой спортивной практике есть свой особый социальный смысл, включающий различное отношение к телу спортсмена; различное понимание «мужественности» и «женственности»; различные механизмы формирования иерархии и т.д. Акторы рынка, руководствуясь своим социальным вкусом и своими ресурсами, могут выбрать все, что им подходит, и тем самым сформировать свой собственный уникальный стиль, куда будет входить как само тело, так и определенная одежда, аксессуары.

Спортивные практики интересны тем, что являются одной из «социокультурных форм формирования личности» [Алкемайер, 2006, с. 141–146]. Через эти практики личность создает себя, делает себя явной и идентифицируемой для других. Данный процесс был описан в частности в работе Лоика Вакана, где он рассматривает формирование габитуса боксера [Вакан, 2006, с. 104–140]. Через определенные физические практики, «рутину бокса», и благодаря пространству боксерского зала (квазитотального института), формируется боксер, человек с измененной «телесной и ментальной схемой» и особым стилем жизни.

Однако, если изучать сам процесс формирования, а не уже «готового» спортсмена, то исследователь столкнется с проблемой. Формирование спортсмена происходит через определенные телесные практики, которые тяжело поддаются рефлексии. Такое знание существует лишь в деятельности, а, следовательно, практически не поддается вербализации. В качестве решения данной проблемы при изучении спортивных практик в данном докладе рассматривается метод участвующего наблюдения. Исследователь проходит определенный «путь новичка», используя свое тело как «инструмент познания». Социолог, обладая способностью к саморефлексии, может описать механизм формирования габитуса спортсмена через те или иные спортивные практики.

В данном докладе приводится пример тех результатов, которые можно получить, используя метод включенного наблюдения. Данные взяты из исследования паркура, проводимого в рамках проекта

Центра молодежных исследований «Новые социальные движения молодежи». Материалы были собраны в ходе участвующего наблюдения, а именно участия в уличных тренировках, проводимых одной из команд Санкт-Петербурга.

В паркуре, как в любой спортивной практике, существует свой образ «идеального тела». Благодаря специфике физических практик тело трейсера должно стать универсальным механизмом. Значительная часть тренировок направлена именно на формирование подходящего тела, а не на постоянные прыжки, как это может показаться со стороны.

Вместе с тем происходит процесс ресоциализации, когда необходимо изменить свои «техники тела», связанные со «стандартными» навыками перемещения: бег, прыжки, приземление и т.д. После этого происходит обучение новым техникам тела, связанным уже с преодолением препятствий различного типа в городской среде. На более позднем этапе обучения тренируется навык объединения «базовых» техник в связки, которые должны выполняться плавно и тихо. Такие критерии мастерства существуют внутри самого сообщества, что отличается от образа паркура, демонстрируемого в СМИ, где в фокусе экстремальность. Помимо этого акцент делается также на преодолении страха перед препятствием, который может помешать перемещению. Важно, что во время самого обучения навыкам перемещения даются правила взаимодействия с «публикой», жителями города. Все эти нефизические навыки «прививаются» через физические практики, а затем сами делаются их частью, становясь нерелефлексивными.

Практики паркура осуществляются в городском пространстве. Городское пространство — это специфическая территория, сочетающая в себе как архитектуру, так и власть, воспроизводимую посредством этой архитектуры, как об этом писал Анри Лефевр. Также, город — это публичное пространство, где публика в большинстве своем разделяет существующие нормы, поддерживая власть. Практики трейсера являются вызовом власти и для его осуществления необходимо, во-первых, научиться видеть город как «игровую площадку», а, во-вторых, сформировать свои нормы перемещения, которые будут противопоставлены нормам публики. Это достигается через постоянные тренировки в городском пространстве. Чем больший опыт у трейсера, тем больше элементов городской архитектуры он может использовать для своих целей, и тем чаще он будет использовать свои навыки перемещения уже в повседневной жизни.

Таким образом, метод включенного наблюдения позволил увидеть сам механизм формирования, что позволит лучше понять трейсеров, как людей, практикующих паркур.

ИСТОЧНИКИ

1. *Алкемайер Т.* Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки // *Логос*. 2006. № 3. С. 141–146.
2. *Алкемайер Т.* Стройные и упругие: политическая история физической культуры // *Логос*. 2009. № 6. С. 194–213.
3. *Вакан Л.* Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя // *Логос*. 2006. № 3. С. 104–140.
4. *Wheaton B.* Introduction: mapping the lifestyle sport-scape // *Wheaton B. (eds.). Understanding Lifestyle Sports: consumption, identity, and difference*. L.: Routledge, 2004. P. 1–29.

3. СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И НАУКОМЕТРИЯ (РУКОВОДИТЕЛЬ — КУПРИЯНОВ А.В.)

ПРОФЕССОРСКИЕ ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СУДЫ В ВУЗАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (1907–1914 годы)

Автор:

Загорулько Екатерина Александровна,
*Европейский Университет в Санкт-Петербурге,
факультет истории, магистр 1-го курса,
E-mail: snake1211@mail.ru, ezagorulko@eu.spb.ru*

Научный руководитель:

Николаев Андрей Борисович,
профессор кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена

24 августа 1902 года вступили в действие новые студенческие правила, согласно которым был создан профессорский дисциплинарный суд. Правовой основой их создания являлись высочайше утвержденные «Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях Министерства Народного Просвещения»¹.

В период реакции, циркуляром Министерства народного просвещения от 24 января 1908 года за № 2288, была принята также «Инструкция профессорскому дисциплинарному суду в университетах и других высших учебных заведениях» [РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 500. Л.5.; Д. 190. Л. 26.] В ноябре 1909 года Министерство торговли и промышленности утвердило временные правила о профессорском дисциплинарном суде в Горном институте императрицы Екатерины II².

Профессорские дисциплинарные суды были фактически преемниками университетских судов, правовое положение которых определял «Общий устав Императорских Российских университетов» от 18 июня 1863 года³.

Чем же было вызвано появление в высшей школе профессорских дисциплинарных судов? Конец XIX — начало XX веков ознаменовался активизацией студенческих волнений. Апогеем стала гибель министра просвещения Н.П. Боголепова, который был смертельно ранен бывшим студентом университета П.В. Карповичем 14 февраля 1901 года [Томский, 2004, с. 81].

По нашему мнению, профессорский дисциплинарный суд для рассмотрения студенческих дел, в том числе об исключении студентов из университета, был определенным компромиссом между властями и активными студентами. Так как все реакционные меры правительства (жестокое расправы со студентами, отправление их в действующую армию и прочие меры такого рода) порождали еще большее недовольство и приводили к новым сходкам и митингам уже с требованием восстановить права наказанных студентов.

М.В. Борисенко в своей работе утверждает, что «в целях ужесточения надзора за учащимися в университетах и государственных институтах в 1907 году была введена должность проректора и созданы профессорские дисциплинарные суды» [Борисенко, 1984, с. 137]. В отношении профессорских дисци-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 500. Л. 15.

² ЦГИА. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5844. Л. 44.

³ Общий устав императорских российских университетов. СПб., 1884.

плинарных судов мы позволим себе внести некоторые коррективы. Во-первых, профессорские дисциплинарные суды появились еще в 1902 году. Во-вторых, ужесточить надзор не удалось, поскольку профессора вузов стояли на защите автономии вузов и своих студентов, а не на защите интересов Министерств народного просвещения и внутренних дел. В-третьих, профессорские дисциплинарные суды не рассматривали главного вопроса времени политической реакции — вопроса о политических демонстрациях и выступлениях студентов.

Мы не считаем, что профессорский суд был карательным органом, преследовавшим свободомыслие в студенческой среде. Вот пример, который мы находим на страницах воспоминаний Н.П. Анцифорова, касающихся дисциплинарного суда над авторами письма обвинительного содержания испанскому королю Альфонсу III. Дисциплинарный суд принял решение перевести авторов письма (в то же время являвшихся президиумом сходки, посвященной смерти Фердинанда Ферреро) в разряд вольнослушателей. Естественно, это решение вызвало негодование в студенческой среде, особенно в социалистической ее части. И вот что ответил студенту Анцифорову член дисциплинарного суда (его учитель) Н.И. Кареев: «Я один из тех, кто вынес столь возмутивший вас приговор. Понимаете ли, отдаете ли себе отчет в том, что вы наделали, отправив вашу резолюцию в испанское посольство? Посол сейчас же направил жалобу в Министерство внутренних дел. Спасти ваш президиум мы могли только сами, взяв на себя наказание виновных. Мы избрали самое слабое — перечислить их в вольнослушатели. Если бы мы не приняли своих мер, ваши товарищи в лучшем случае были бы арестованы и сосланы»⁴.

Были случаи, когда Министерство внутренних дел в своих письмах министру народного просвещения выражало недоверие не только профессорам, входящим в состав судов, но и администрации вузов. Так, например, было с профессорами Санкт-Петербургского университета И.А. Покровским и М.Я. Пергаментом, которых Министерство внутренних дел подозревало в необъективности принятия решений и попытках противодействия Министерству народного просвещения⁵. Вот что мы обнаруживаем в циркуляре МНП Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа от 3 января 1911 года за №192 о ректоре Санкт-Петербургского университета «...при полном отсутствии надзора, Ректор в настоящее время не только не является хозяином вверенного ему учебного заведения, но в большинстве случаев не бывает даже осведомлен о том, что происходит во время волнений в стенах Университета... Эта неосведомленность логически влечет за собою невозможность привлечения к ответственности (дисциплинарному суду) нарушителей правильного течения учебной жизни»⁶.

Нам бы также хотелось отметить, что профессорский дисциплинарный суд нес не только судебные функции, но и функции по нравственному воспитанию. Так, П.А. Столыпин в письме А.Н. Шварцу указывал на то, что профессора должны как можно больше нравственно воздействовать на студенчество. Это будет более эффективно, чем меры по ужесточению мер сохранения порядка в стенах вузов⁷.

Впрочем, мы не стремимся к идеализации профессорского дисциплинарного суда, так или иначе, он оставался судом.

ИСТОЧНИКИ

1. Томский В.А. Николай Павлович Боголепов (1846–1901): профессор, ректор, министр: ст. первая // Законодательство. 2004. № 9. С. 76–82.

2. Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.: дис... к. ист. н. Л., 1984. С. 137.

⁴ ОР РНБ. Ф. 27. Д. 45. Л. 18.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 159. Л. 1.

⁶ Протоколы заседаний совета императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год. № 67. СПб., 1913. С. 22.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 159. Л. 67.

4. ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ (РУКОВОДИТЕЛИ — АЛЕКСАНДРОВ Д.А., САВЕЛЬЕВА С.С.)

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ УРОВЕНЬ ДОХОДА НЕКОТОРЫХ ГРУПП СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Автор:

Тиходеев Николай Олегович,

Санкт-Петербургский государственный университет,

факультет социологии, 5-й курс,

E-mail: Larsson07@post.ru

Научный руководитель:

Смирнова Елена Эмильевна,

профессор факультета социологии СПбГУ

На протяжении последних десятилетий в мире можно наблюдать рост уровня образования [Fuente, Cicccone, 2003]. Все больше и больше людей получают высшее и профессиональное образование, следовательно, существуют мотивы, побуждающие их к этому. Основным мотивирующим фактором считается стремление к материальному благополучию. Так, Якоб Минцер выявил прямую корреляцию между уровнем образования и доходом в США. Он утверждал, что каждый год, потраченный на образование, приводит к увеличению дохода на 5–10% [Mincer, 1974]. Однако в той же работе отмечается, что такая закономерность характерна для городского населения и не наблюдается у сельского. Означает ли это, что сельские не заинтересованы в получении высшего и среднего специального образования? Сегодня, в связи с активно обсуждаемыми в последнее время реформами образования и сельского хозяйства, этот вопрос стал особенно актуальным [Староверов, 2004]. Целью нашего исследования является оценка влияния фактора «уровень образования» на уровень дохода сельских жителей. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: провести анализ изменения уровня образования сельского населения России с 1975 по 2005 годы, определить связь между уровнем дохода и уровнем образования и изучить их зависимость от гендерного фактора. В данной работе был использован метод вторичного анализа [Сычева, 1995]. С его помощью были изучены материалы серии исследований «Бюджет времени и условия жизни сельского населения 1975–2005 гг.», размещенные в электронном архиве Едином архиве экономических и социологических данных (ЕАЭСД). Они проводились Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук под руководством В.А. Артемова. Количественное сравнение данных проводили методом хи-квадрат¹.

В ходе работы были проанализированы данные трех обследований: самого первого (1975–1976), центрального (1993–1994) и последнего (2004–2005). В них попали «точки» исторического времени, которые относятся к существенно различающимся периодам как по объективным экономическим, социальным и политическим характеристикам, так и по реальной деятельности большинства населения. Все исследования серии проходили в одних и тех же географических регионах, отбор респондентов проводился по оди-

¹ Бюджет времени и условия жизни сельского населения 1975–2005 гг. под рук. Артемова В.А. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (АН СССР) / Единый архив экономических и социологических данных (ЕАЭСД). URL: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=76&en=0>.

наковому механизму формирования выборочной совокупности, что и позволяет осуществлять их научное сопоставление. Материалы включают в себя данные в формате SPSS, образец анкеты и описание исследования. Доступность надежных данных, собранных на большой выборочной совокупности, достоверность которых не вызывает сомнений, позволила нам провести вторичный анализ и оценить изменения произошедшие за большой промежуток времени (30 лет).

В первую очередь мы обратили внимание на изменение за текущий промежуток времени такого параметра, как доля сельских жителей, имеющих специальное среднее или высшее (включая неоконченное) образование. Если в 1976 году доля образованных селян (и женщин, и мужчин) составляла только 22,5% от всех респондентов, то в 1993 — уже 54,6%, а в 2005 — 70% (различия достоверны: $p < 0,001$, $v=1$). Причем в каждом обследовании доля женщин, имеющих образование выше среднего, была достоверно выше, чем доля мужчин ($p < 0,01$, $v=1$).

Мы предположили, что стремление к получению высшего или среднего специального образования женщинами сельской местности обусловлено спецификой структуры их доходов. С целью подтверждения гипотезы мы сравнили распределение доходов у женщин с образованием выше среднего и у женщин со средним и более низким уровнем образования. По данным исследований 1976 и 1995 годов доход первой группы достоверно выше дохода во второй ($p < 0,001$, $v=1$). Из проведенного анализа можно сделать вывод, что прямая зависимость между уровнем образования и доходом для женщин среди сельского населения существует. К сожалению, в исследованиях 2005 года количественная информация о доходах отсутствует, поэтому в рамках нашей работы были использованы данные обследования за 1999 год, подтвердившие выполнение намеченной закономерности. Аналогичный анализ для мужчин не выявил достоверных отличий от теоретически ожидаемых показателей. Можно выдвинуть предположение, что данная закономерность определяется структурой занятости сельского населения, в которой женщины заняты преимущественно в сферах образования, культуры и медицины, то есть там, где требуется высшее либо специальное образование, а мужчины — в сельском хозяйстве и строительстве, где подобные требования отсутствуют. Данная гипотеза подтвердилась на основе сопоставления по отрасли занятости в зависимости от уровня образования среди женщин и мужчин ($p < 0,001$, $v=1$).

Проведенный анализ показал, что предположение об отсутствии связи между уровнем образования и доходом для сельского населения в России нельзя считать совсем точным. Нами была выявлена группа сельского населения, для которой такая закономерность существует — это женщины. Следовательно, именно они заинтересованы в получении образования, так как данный фактор определяет уровень их дохода.

ИСТОЧНИКИ

1. Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 64–74.
2. Сычева В.С. Вторичный анализ как метод // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 128–131.
3. Fuente A., Ciccone A. Human capital in a global and knowledge-based economy // Final report. 2003. URL: <http://pareto.uab.es/wp/2003/56203.pdf>.
4. Mincer J. Schooling, Experience and Earnings. N.Y.: National Bureau of Economic Research // Human Behavior & Social Institutions. 1974. № 2.

НЕРАВЕНСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ: МЕЖСТРАНОВОЕ СРАВНЕНИЕ

Автор:

Петрова Тамара Игоревна,
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии, 4-й курс,
E-mail: petrova.toma@gmail.com

Научный руководитель:

Александров Даниил Александрович,
профессор кафедры социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
заведующий Научно-учебной лабораторией
социологии образования и науки

Исследовательский проект посвящен изучению факторов, влияющих на неравенство образовательных достижений на межстрановом уровне. Тема неравенства образовательных достижений школьников остается актуальной на сегодняшний день, поскольку по успехам в обучении, измеренным даже на его ранних этапах, можно оценить, например, дальнейшую траекторию ребенка: поступление в среднее профессиональное или высшее учебное заведение. Под образовательными достижениями в данном случае понимаются уровень знаний и развития навыков в конкретных областях (математике, чтении и т.д.).

В межстрановых сравнениях образовательные достижения измеряются средними или дисперсиями баллов тестирований в рамках следующих международных проектов: PISA (Program for International Student Assessment) — Международной программы по оценке образовательных достижений¹, PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study) — проекта «Изучение качества чтения и понимания текста»², а также TIMSS (Trends in Mathematics and Science Study) — «Изучение тенденции в математике и естественных науках».³

Сравнение образовательных достижений школьников и выявление степени их неравенства как внутри стран, так и между ними, уже неоднократно проводилось многими исследователями и организациями, например, Международной ассоциацией по оценке образовательных достижений. В большей части рассмотренных мной работ ученые исследуют социально-экономический статус родителей как основной фактор, влияющий на уровень образовательных достижений детей. Крайне редко используются макроэкономические показатели, такие как размер внутреннего валового продукта. С другой стороны, институциональные характеристики образовательных систем (например, уровень стратификации и стандартизации) принимаются во внимание большинством исследователей.

В ходе уже проведенных исследований [Woessmann, 2003; Baye, Monseur, 2006; Horn, 2009; Werfhorst, Mijts, 2010] было выявлено, что институциональные характеристики образовательной системы влияют на неравенство образовательных достижений. Например, высокий уровень стратификации образовательной системы повышает степень неравенства. Чем раньше ученики распределяются по различным типам школ и чем больше этих типов, тем более образовательная система стратифицирована. Основываясь на этих результатах, мы контролируем влияние независимых переменных по уровню стратификации образовательной системы.

В рамках проекта неравенство образовательных достижений рассматривается как разброс баллов по международным тестированиям. В модель влияния факторов включаются как характеристики образовательных систем стран, отражающие уровень их стратификации⁴, так и экономические показатели.

¹ В рамках этой программы проводится тестирование, оценивающее грамотность школьников и умение применять знания на практике в области математики, чтения и естественных наук. Осуществляется Организацией экономического сотрудничества и развития (www.pisa.oecd.org).

² Проект включает тестирование навыков грамотности чтения учащихся четвертого класса и оценку практик чтения. Проводится раз в пять лет Международной ассоциацией по оценке образовательных достижений (www.iea.nl).

³ Измерение достижений учеников четвертого и восьмого классов в математике и естественных науках. Проводится раз в четыре года Международной ассоциацией по оценке образовательных достижений (www.iea.nl).

⁴ Уровень стратификации измеряется: а) возрастом, в котором происходит распределение учеников по разным типам школ; б) количеством типов школ.

В этом заключается новизна исследования. Было проверено предположение о том, что экономическое неравенство в обществе увеличивает неравенство образовательных достижений школьников. Кроме того, была проверена следующая гипотеза: в более богатых странах экономическое неравенство меньше сказывается на неравенстве образовательных достижений. Экономическое неравенство измерялось индексом Джини. Уровень богатства стран измерялся тремя переменными: размером внутреннего валового продукта по паритету покупательской способности⁵, богатством на душу населения и богатством на взрослого (гражданина той или иной страны в возрасте от двадцати лет)⁶.

Результаты проведенного исследования показали, что единственным фактором, влияющим на неравенство образовательных достижений, является индекс Джини. В первую очередь была проверена следующая гипотеза: чем больше неравенство в обществе, измеряемое индексом Джини, тем больше неравенство в образовательных достижениях (дисперсия результатов PISA, PIRLS, TIMMS более высока). Данная гипотеза подтвердилась только в одном случае. Индекс Джини влияет на стандартное отклонение средних баллов PIRLS: чем выше неравенство в обществе той или иной страны, тем более неравны образовательные достижения школьников (в данном случае учеников четвертого класса) по чтению. Модель с одной независимой переменной объясняет 33,9% дисперсии. Кроме того, было обнаружено влияние индекса Джини на средние баллы: чем выше индекс, тем ниже средний балл тестирования по стране. Такая зависимость наблюдалась в трех случаях: в случае тестирований PISA по чтению и математике, а также PIRLS. С другой стороны, индекс Джини объясняет небольшой процент дисперсии в моделях, что позволяет сделать вывод о существовании иных возможных факторов неравенства образовательных достижений.

ИСТОЧНИКИ

1. Baye A., Monseur C. Equity of achievement: a matter of education structures? The Second IEA International Research Conference: proceedings of the IRC // The International Association for the Evaluation of Educational Achievement. 2006.
2. Global Wealth Databook 2010. Credit Suisse Research Institute. Zurich, Switzerland. URL: https://www.credit-suisse.com/news/doc/credit_suisse_global_wealth_databook.pdf.
3. Horn D. Age of selection counts: a cross-country analysis of educational institutions. Educational Research and Evaluation. 2009. № 15(4). P. 343–366.
4. IEA (The International Association for the Evaluation of Educational Achievement). URL: <http://www.iea.nl>.
5. PISA (Program for International Student Assessment). URL: <http://www.pisa.oecd.org/>.
6. Werfhorst H., Mijts J. Achievement inequality and the institutional structure of educational systems: a comparative perspective // Annual Review of Sociology. 2010. № 36. P. 407–428.
7. Woessman L. Schooling resources, educational institutions and schooling performance: the international evidence // Oxford Bulletin of Economic and Statistics. 2003. № 65(2). P. 117–170.

⁵ Этот показатель позволяет учитывать то, что на одну и ту же сумму денег в различных странах можно приобрести разное количество товаров и услуг.

⁶ Два последних показателя приведены в «Global Wealth Databook», издаваемой ежегодно исследовательским институтом «Credit Suisse» в Цюрихе (Швейцария). Под «богатством» понимается рыночная стоимость всех финансовых и нефинансовых активов (недвижимости и земли) человека.

«ИЗМЕРЕНИЕ» СОЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА: ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОЖЕКТИВНОЙ МЕТОДИКИ

Автор:

Демьянова Ася Дмитриевна,

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, отделение психологии, 4-й курс,

E-mail: asyademyanova@gmail.com

Научный руководитель:

Саганенко Галина Иосифовна,

доктор социологических наук, профессор

В данной работе мы попробуем оценить систему российского образования как инструмент формирования творческого мышления учащихся. Кажется, что задача глобальная, абстрактная и практически неосуществимая. Однако мы только хотели бы примериться к ней.

При общении со студентами и школьниками мы используем опросную методику «15 ЕСЛИ», построенную на системе прожективных вопросов — предлагаем ресурсы и ставим респондента в ситуацию социального выбора («если бы у вас была возможность, то...»). Вопросы открытые, то есть респондент находит собственные ответы, основанные на собственных суждениях. Методика охватывает разные сферы жизни современного человека: друзья, учеба, досуг, страна/общество. Респонденту предлагается примериться к неограниченным ресурсам: потратить неплохую сумму денег, выбрать для проживания любую страну мира, а для обучения — любое учебное заведение/специальность, попутешествовать по стране и за рубежом.

Характер и жанр ответов школьников и студентов (а у нас уже около 400 респондентов) дает нам определенную возможность проанализировать диагностический потенциал методики с точки зрения «измерения» творческой фантазии молодежи. Разброс ответов, масштаб использования предложенных нами «ресурсов» позволяет судить об уровне развития творческого мышления современных школьников, а также частично выявить социальные потребности современной молодежи, те коллизии, на которых фокусируется их внимание при ответах на вопросы о собственной жизни или окружающего общества.

В данном анализе мы сравним две выборки школьников старших классов: из городка Рассказово Тамбовской области и российской культурной столицы — Санкт-Петербурга. В нашей выборке 211 анкет — 110 из Тамбовской области и 101 из Санкт-Петербурга. Серьезная дифференциация параметров жизненной среды, предъявляемых средой возможностей самореализации и развития, индивидуальный социальный опыт школьников двух выборок — все это позволяет нам надеяться на обнаружение принципиальных различий. Выявляемая в ответах мера фантазии, так или иначе обусловленная указанными факторами, позволяет осмысливать проблему развития творческих ресурсов школьников на примере двух категорий респондентов. В источники, порождающие эти различия, мы предполагаем включить, в том числе, и систему образования.

Результаты исследования обнаруживают, что школьники даже в ситуации «неограниченного выбора» по большей части прибегают к спасительной «палочке-выручалочке» — простейшим клише и социально-одобряемым стереотипам, навязанным школой, транслируемыми по телевидению и растиражированными в СМИ, воспроизводимыми в семье. Вопросы воспитания «патриотизма» можно считать уже решенными в системе российского образования — половина школьников из г. Рассказово не признает ничего, кроме собственного места жительства — ни одна страна мира, никакой российский город им неинтересен.

Доказательства этого мы обнаружили при анализе ответов на вопрос о том, в какой стране предпочел бы жить наш респондент. Оказалось, что 51% школьников г. Рассказово не проявили готовности воспользоваться предложенными ресурсами и в ответе указали Россию (рис. 1, 2).

В Петербурге ситуация обстоит немного иначе: 41% предпочли бы остаться в России.

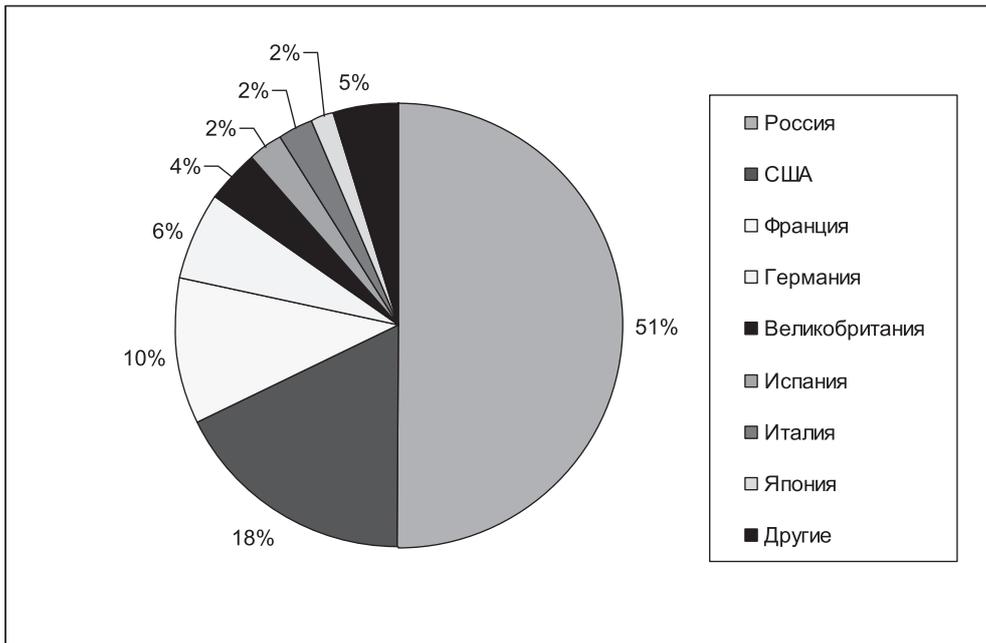

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Если бы у вас появилась возможность жить в любой стране мира, что бы вы выбрали?» (г. Рассказово)

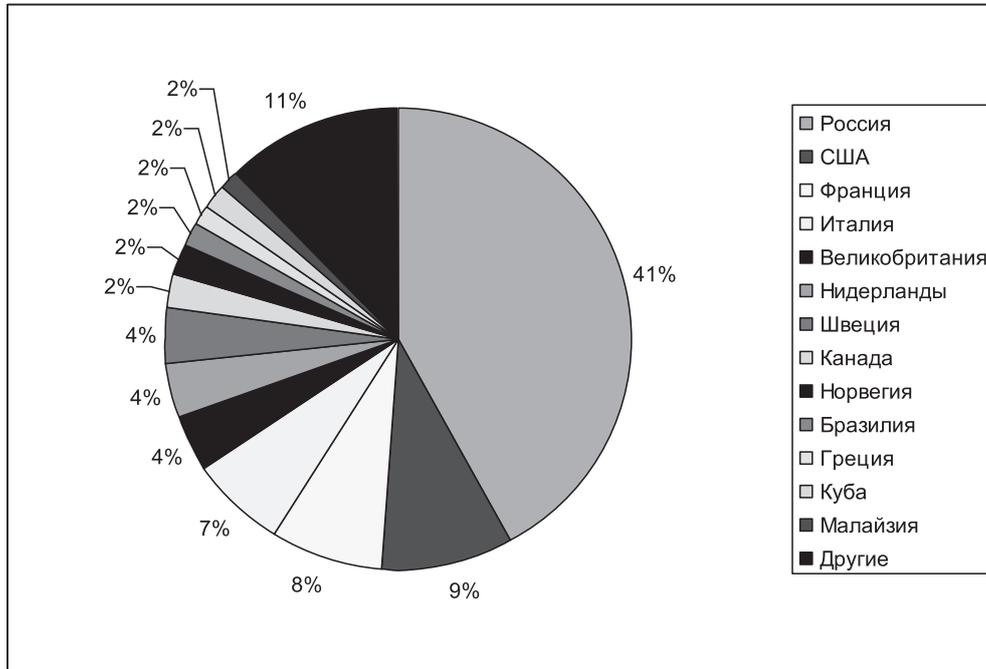

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Если бы у вас появилась возможность жить в любой стране мира, что бы вы выбрали?» (г. Санкт-Петербург)

Что характерно, в Санкт-Петербурге во всех анкетах было указано большее количество стран: 29 по сравнению с 14, указанными в Рассказово.

Объяснение тому, что школьники оказались не готовы воспользоваться предложенными в анкете, фактически неограниченными ресурсами, мы видим в следующем:

1. Возможно, молодежи не хватает опыта рефлексии. Задача респондента состояла в том, чтобы прислушаться к себе, подумать (ведь вариантов ответа в открытом вопросе не предусмотрено), рассмотреть свои запросы и потребности. Многие респонденты отказывались от этой идеи, указывая Родину в качестве ответа. В анкете мы просили испытуемых объяснить, почему выбрана та или иная страна. Один из ответов выглядел так: «Россия, потому что так надо».

2. Вторая гипотеза состоит в том, у школьников просто нет готовности к социальной мобильности, желания примериться к тем или иным возможностям, не хватает активности, а, может быть, опыта мобильности.

Для дальнейшей разработки идей интерпретации полученных данных мы обратились к другому вопросу анкеты: «Если бы у вас появилась возможность съездить на две недели за границу, что бы вы выбрали и почему?». Как оказалось, здесь диапазон идей достаточно широк — в Тамбовской области школьники назвали 26 разных стран, в Петербурге — 43. Даже в этом вопросе некоторые респонденты указали Россию, но на этот раз она уже не занимает лидирующие позиции. В первой пятёрке всей выборки — Египет, Франция, США, Великобритания, Германия. Есть вероятность, что и в данном случае причина кроется в отсутствии рефлексии. Школьники приняли наше предложение буквально, хотя идея состояла в том, чтобы примериться к ресурсам, «поиграть» возможностями.

Только по этим двум вопросам, освещенным в докладе, можно сделать следующий вывод: даже если речь идет только о возможностях пофантазировать — и на это нет ресурсов. Нам представляется, что школьникам не хватает эрудиции, фантазии, готовности к минимальным социальным экспериментам. Путь решения данной проблемы видится нам в развитии в учебных заведениях у школьников опыта рефлексии, способности слышать и видеть себя, воспринимать окружающий мир.

ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЫБОРА НА РУБЕЖЕ 9-го КЛАССА

Автор:

Тенишева Ксения Алексеевна,
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии,
1-й курс магистратуры,
E-mail: tenishewa.soc@gmail.com

Научный руководитель:

Александров Даниил Александрович,
профессор кафедры социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург,
заведующий Научно-учебной лабораторией
социологии образования и науки

Исследования образовательного выбора не теряют своей актуальности на протяжении десятилетий. Особую важность они приобретают в период значительных изменений социальной структуры общества и образовательной системы как таковой. В такой ситуации, безусловно, на данный момент находится Россия. Изучение данной проблематики имеет свою историю и свои каноны. Так, в середине XX века в исследованиях образования появилось два подхода, постепенно выросших в две очень различающиеся традиции.

Одна была предложена социологом О.Д. Данканом¹, полагавшим, что профессиональная позиция индивида зависит только от набора объективных факторов: образование и профессиональная позиция отца, его собственное образование, социально-экономический статус семьи, первая работа индивида. Второй подход разрабатывался социальным психологом У. Сьюэллом² и отличался от подхода О.Д. Данкана включением в модель таких социально-психологических характеристик, как притязания и влияние значимых других. Они выступали в роли медирующих переменных между набором объективных характеристик, предложенных социологом, и окончательным выбором образования и профессии индивидом. Обе модели оказались достаточно состоятельными, что не позволило отвергнуть одну из них в пользу другой. До сих пор большинство исследований образовательного (и профессионального) выбора можно условно разделить на две группы, придерживающиеся, соответственно, взглядов У. Сьюэлла либо О.Д. Данкана. Целью данной работы является первичная проверка значимости обоих наборов факторов для образовательного выбора индивида.

В 2007–2010 годах Научно-учебная лаборатория социологии образования и науки (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) под руководством Д.А. Александрова проводила исследование образовательного выбора девятиклассников и их родителей³. Первый этап заключался в сборе многочисленных нарративов о выборе образования после 9-го класса со школьниками и их родителями. На основании полученных данных был сформирован инструментарий для количественного опроса, включавший конкретные исследовательские гипотезы. После этого был проведен сплошной опрос всех выпускников 9-х классов данного района и их родителей, объем выборки составил почти 500 человек. Был изучен целый спектр характеристик семьи, ученика и их окружения, которые могут оказывать влияние на выбор образования. Смешанная методология помогла собрать наиболее полные и валидные данные, а также сделать обоснованные выводы.

В нашу модель были включены оба набора факторов: как объективный, так и социально-психологический. На первом этапе мы проверили, как эти характеристики связаны с образовательным выбором индивидов, результаты этого анализа представлены в данной работе. На графике (рис. 1) представлены шесть существующих после 9-го класса стратегий поведения:

¹ См.: *Duncan O.D., Haller Archibald O., Portes A.* Peer Influences on Aspirations: A Reinterpretation // *American Journal of Sociology.* 1968. Vol. 74. № 2, September. P. 119–137.

² См.: *William H. Sewell, Haller Archibald O., Portes A.* The Educational and Early Occupational Attainment Process // *American Sociological Review.* 1969. Vol. 34. № 1, February. P. 82–92.

³ Мы благодарим всех коллег НУЛ СОИ и всех волонтеров за помощь в сборе и обработке информации, особая благодарность — Е.В. Кочкину, С.С. Савельевой.

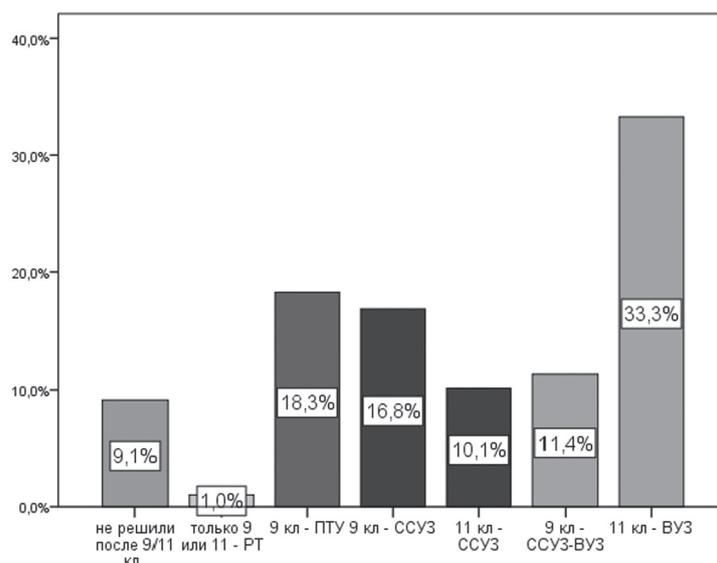

Рис. 1. Образовательная стратегия ребенка

Одним из основных положений практически любой модели, иллюстрирующей образовательный выбор индивида, является утверждение о социальном воспроизводстве: дети стремятся получить такое же образование, какое получили их родители. Однако в нашем случае очевидно расхождение образовательного уровня родителей и уровня образования, который хотел бы получить ребенок. Большинство родителей имеют начальное профессиональное образование, некоторые учились в ссуз, высшее образование является менее характерным для старшего поколения. Для нынешних девятиклассников ситуация обратная: самым популярным является вуз, а на получение начального профессионального образования нацелено меньше 20% мальчиков и практически никто из девочек. Данный эффект может объясняться тем, что система образования в нашей стране претерпела значительные изменения после распада СССР, так что теперь невозможно найти прямого соответствия образовательных уровней до и после 1991 года. Таким образом, чтобы установить связь между образованием детей и родителей, необходимо сначала привести в соответствие старую и новую систему образования, что является отдельной исследовательской задачей.

Конечная образовательная цель ребенка, согласно обеим моделям, должна во многом объясняться социально-профессиональным статусом родителей, который мы замеряли по индексу ISEI 2008 года. Данный фактор оказывает значимое влияние на выбор школьников: чем выше статус родителей, тем более высокий уровень образования выбирает девятиклассник. Подобная взаимосвязь обнаруживается в абсолютном большинстве исследований образования, так что Россия не оказывается в данном случае исключением.

Притязания являются важной составляющей социально-психологической модели образовательного выбора, выступая медиатором между объективными показателями, описанными выше, и непосредственно выбором. В нашем случае притязания оказались превосходным предиктором образовательного выбора, они коррелируют на уровне значимости 0,000. Следовательно, притязания действительно отражают намерения индивида относительно его дальнейших поступков и должны включаться в модели для лучшего объяснения.

Не менее важным для социально-психологического подхода предиктором является влияние значимых других — друзей, родителей, учителей. В нашей модели на данный момент мы учитываем только влияние трех лучших друзей респондента, сопоставляя их образовательный выбор с выбором респондента. Обнаруживается очевидное влияние решения о дальнейшем образовании, принятого другом, на выбор девятиклассника. Причем в большинстве случаев эта тенденция сохраняется для всех трех друзей.

Таким образом, прослеживается явная зависимость образовательного выбора от факторов как объективных, так и социально-психологических. Это является достаточным основанием для включения их в более сложные модели, направленные на объяснения образовательного выбора после 9-х классов.

5. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ (РУКОВОДИТЕЛЬ — МАСЛЕННИКОВ Н.И., ОРГАНИЗАТОР — КУСТОВ А.Н.)

ПОСЛЕДСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ ДЛЯ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

Автор:

Попова Юлия Игоревна,

НИУ — ВШЭ (Москва), факультет социологии,

1-й курс магистратуры,

E-mail: alekszinoviev@mail.ru

Научный руководитель:

Захаров Сергей Владимирович,

доцент кафедры демографии НИУ ВШЭ,

заместитель директора Института демографии

Население Китая представляется интересным объектом для изучения, прежде всего, в демографическом и географическом плане, поскольку, являясь самым многочисленным на Земле, оно располагается на несоизмеримо малой территории. Наличие данной особенности порождает современные демографические проблемы Китая, которые государство пытается решить административными мерами уже на протяжении нескольких десятилетий. Такое искусственное вмешательство в естественные процессы не может не сказаться на будущем развитии населения, в частности, на его возрастно-половой структуре, изменение которой зачастую предопределяет характер развития последующих демографических процессов.

Для анализа влияния на возрастно-половую структуру населения Китая демографической политики необходимо обозначить преследуемые ею цели и основные меры, осуществленные в данном направлении.

С началом процесса быстрого снижения уровня смертности и соответственно быстрого увеличения численности, осознание нехватки ресурсов для поддержания населения заставило правительство взять курс на сдерживание роста численности за счет снижения уровня рождаемости. Это и стало впоследствии осевой линией всех провозглашаемых целей и задач.

Первые попытки по планированию рождаемости были предприняты еще в 50–60-х годах, но в целом они оказались безуспешными. Основной этап по снижению уровня рождаемости начался с введения политики «Одна семья — один ребенок» в 1979 году, когда была закреплена установка на одного ребенка. Ее соблюдение сопровождалось поощрениями в виде различных льгот, а отказ от нее карался штрафами [Riley, Gardner, 1997, p. 34–35]. В общем с того времени цели стали не краткосрочными, а долгосрочными, с периодически ужесточающимися или смягчающими политический курс мерами.

В виду вышеуказанного обзора политических мер, анализ возрастно-половой структуры населения Китая рационально проводить с 1979 года, когда была введена политика «Одна семья — один ребенок», имевшая наибольший успех в достижении поставленных целей. Однако для того, чтобы выявить изменения состава населения под воздействием политических мер, необходимо также его сравнение с динамикой развития предыдущих лет.

Нижеследующие показатели позволяют определить изменения, произошедшие в возрастно-половой структуре населения Китая:

- показатели вторичного и третичного соотношения полов;
- коэффициенты демографической нагрузки;
- характеристика возрастно-половой пирамиды.

Показатели вторичного соотношения, представленные на рис.1, позволяют установить — сколько мальчиков приходится на 100 девочек при рождении [World databank: Health Nutrition and Population Statistics]. Как видно из рис. 1, на протяжении периода с 1960 по 1985 годы показатели достаточно стабильны, колебания находятся в пределах 105–107, что соответствует общемировому опыту. Однако после 1985 года отмечается значительный рост в соотношении полов, пик которого приходится на 2006 год со значением в 125. В итоге наблюдается половой дисбаланс в сторону увеличения числа мальчиков. Это объясняется широкой практикой применения селективных абортов, которые на официальном уровне не подлежали запрету вплоть до 2000-х годов. Поскольку государственная политика разрешает заводить только одного ребенка (за некоторыми исключениями), то семьи выбирают мальчиков, потому что именно представители мужского пола исторически являются продолжателями рода, кормильцами семьи и надежной финансовой опорой родителей после выхода на пенсию, в то время как девочки сразу покидают родительский дом после замужества.

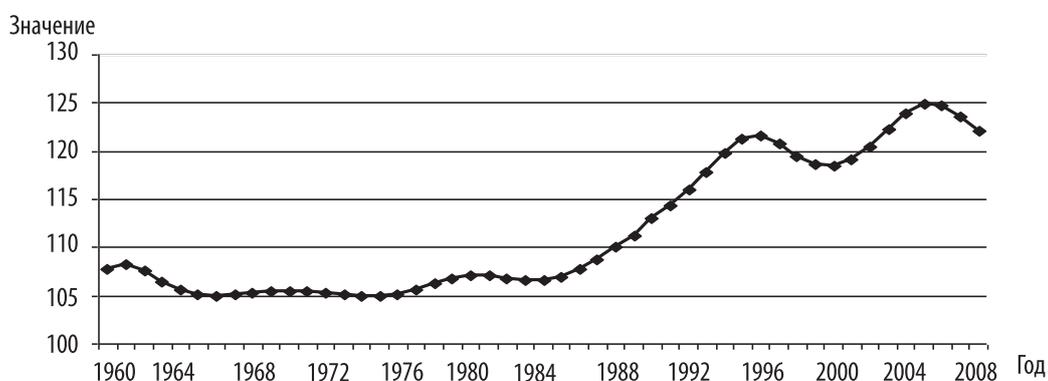

Рис. 1. Вторичное соотношение полов в населении Китая

В результате подобных предпочтений в семьях с одним ребенком доля мальчиков составляет 61%, в семьях с двумя детьми — 22% приходится на детей, оба из которых мальчики, и только в 5% двухдетных семей оба ребенка — девочки, остальные семьи — смешанные. Показатели вероятности умереть для младенцев за 1996 год также являются дополнительным подтверждением селективности абортов. Для мальчиков он составляет 30 на 1000 выживших, в то время как для девочек — 41, что означает намеренное сокращение рождения девочек на 1,5% от всех рожденных женского пола [Vermeer, 2006, p. 126–127].

Несмотря на постепенное увеличение доли женщин в общей численности населения КНР с 1949 года по настоящее время, разрыв по показателям абсолютной численности мужчин и женщин продолжает расти. Если в 1953 году число мужчин превышало число женщин на 21,6 млн человек, то в 1964 году разрыв сократился до 18,5 млн человек. Но уже в 1982 году он возрос до 30,7 млн человек, в 1990 году — до 36,2 млн человек, в 2000-м — до 41,3 млн, в 2006 году разрыв составил 40,0 млн человек [Баженова, 2010]. В связи с этим назревает серьезная проблема в брачной структуре населения. Уже сейчас молодые люди сталкиваются с проблемой нехватки невест для создания семьи, и в будущем численный разрыв между мужчинами и женщинами в бракоспособном возрасте будет только увеличиваться в силу накопленного за долгие годы полового дисбаланса в возрастно-половой структуре.

Третичное соотношение, проиллюстрированное на рис. 2, показывает, какое количество представителей мужского пола приходится на 100 представительниц женского пола во всех возрастных группах за 1979, 1989, 1999, 2008 годы. [World databank: Health Nutrition and Population Statistics]. Длительный промежуток времени взят для того, чтобы проследить динамику изменения соотношения полов в различных возрастных группах за несколько десятилетий.

На рис. 2 наглядно проиллюстрировано значительное расхождение в соотношении полов в возрастном интервале от 0 до 20 лет за разные годы, что подтверждает факт распространения селективных

абортов с начала введения политики «Одна семья — один ребенок». В 2008 году разница в соотношениях в младших возрастных группах максимальна, в то время как в 1979 и 1989 годах число мальчиков и девочек практически совпадает. В старших возрастах различие в показателях может быть объяснено за счет других факторов — снижения уровня смертности (преимущественно за счет интенсивной вакцинации, улучшения в питании, повышения качества водоснабжения и санитарных условий), что неуклонно ведет к выживанию большего количества мужчин пожилого возраста. В результате в 2008 году число мужчин, приходящихся на 100 женщин, больше, чем в 1979 году при сохранении тенденции доминирования женской численности над мужской в пожилых возрастах.

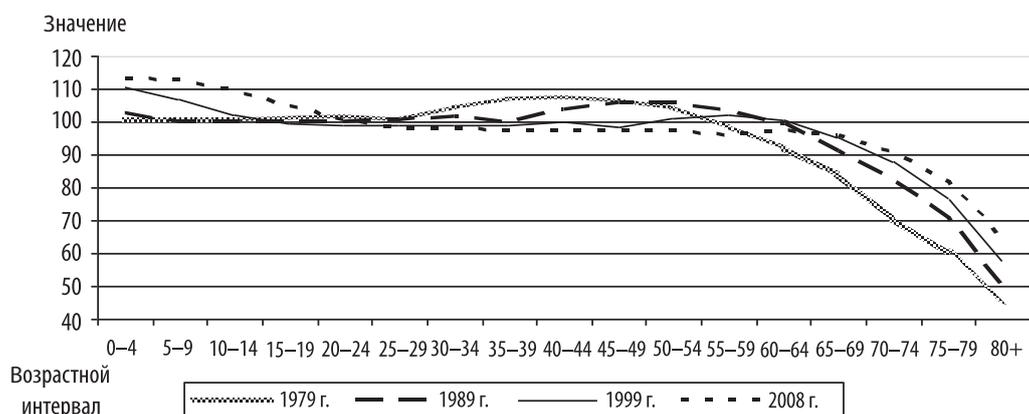

Рис. 2. Третичное соотношение полов в населении Китая

Если рассмотреть показатели демографической нагрузки на рис. 3, рассчитанные на 1000 населения, то можно отметить, что Китай переживает период демографического дивиденда [World databank: Health Nutrition and Population Statistics]. Это происходит за счет выгодного, с экономической точки зрения, соотношения отдельных возрастных групп населения Китая, когда численность населения в трудоспособном возрасте достигает своего максимума, а коэффициенты демографической нагрузки на трудоспособных при этом падают (в основном за счет снижения нагрузки младшими возрастными группами). Таким образом, несмотря на то, что в Китае постепенно растет нагрузка пожилыми людьми, нагрузка детьми снижается более высокими темпами (за счет политики ограничения рождаемости), и общая нагрузка на рабочее население также уменьшается. Однако в таком состоянии, как прогнозируют ученые, население страны долго оставаться не будет и уже к 2025 году Китай, как и другие азиатские страны, начнет пожинать неизбежные плоды старения населения [Мировые демографические прогнозы, 2007, с. 8–9]. Эти процессы как раз призваны очертить возрастно-половые пирамиды.

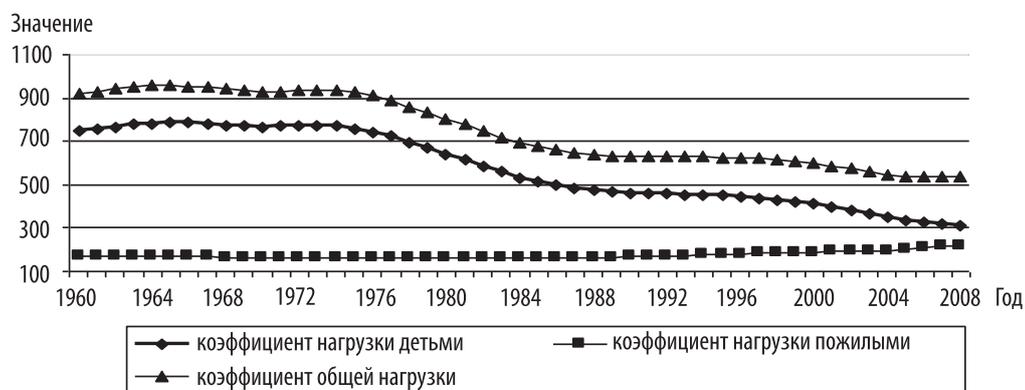

Рис. 3. Показатели демографической нагрузки

На рис. 4 представлены возрастно-половые пирамиды населения Китая за 1979, 1989, 1999 и 2008 годы, где каждая возрастно-половая группа отражена в виде прямоугольника, площадь которого соответствует ее доле от общей численности мужского или женского населения (слева распределения мужчин, справа — женщин) [World databank: Health Nutrition and Population Statistics]. Пирамиды четко отражают процесс перехода от прогрессивной модели воспроизводства (когда младшие поколения с превышением замещают старшие) к регрессивной (когда старшие поколения численно не воспроизводятся младшими), что объясняется поддержанием на протяжении десятилетий правительством Китая уровня рождаемости ниже уровня простого замещения. Основание пирамиды сужается, в то время как ее верхушка увеличивается в объеме, что иллюстрирует увеличение доли пожилого населения.

Регулирование рождаемости в целях ускорения экономического развития страны породило проблему «наоборот» — в стране стремительно растет группа населения старше 60 лет. Согласно прогнозам демографов, к 2030 году каждый пятый житель Поднебесной перешагнет эту возрастную границу. Нация, имеющая более 10% населения старше 60 лет, считается в соответствии с документами ООН «старющей». Китай в XXI веке станет самой старой (по составу населения) страной мира [Почагина, 2008].

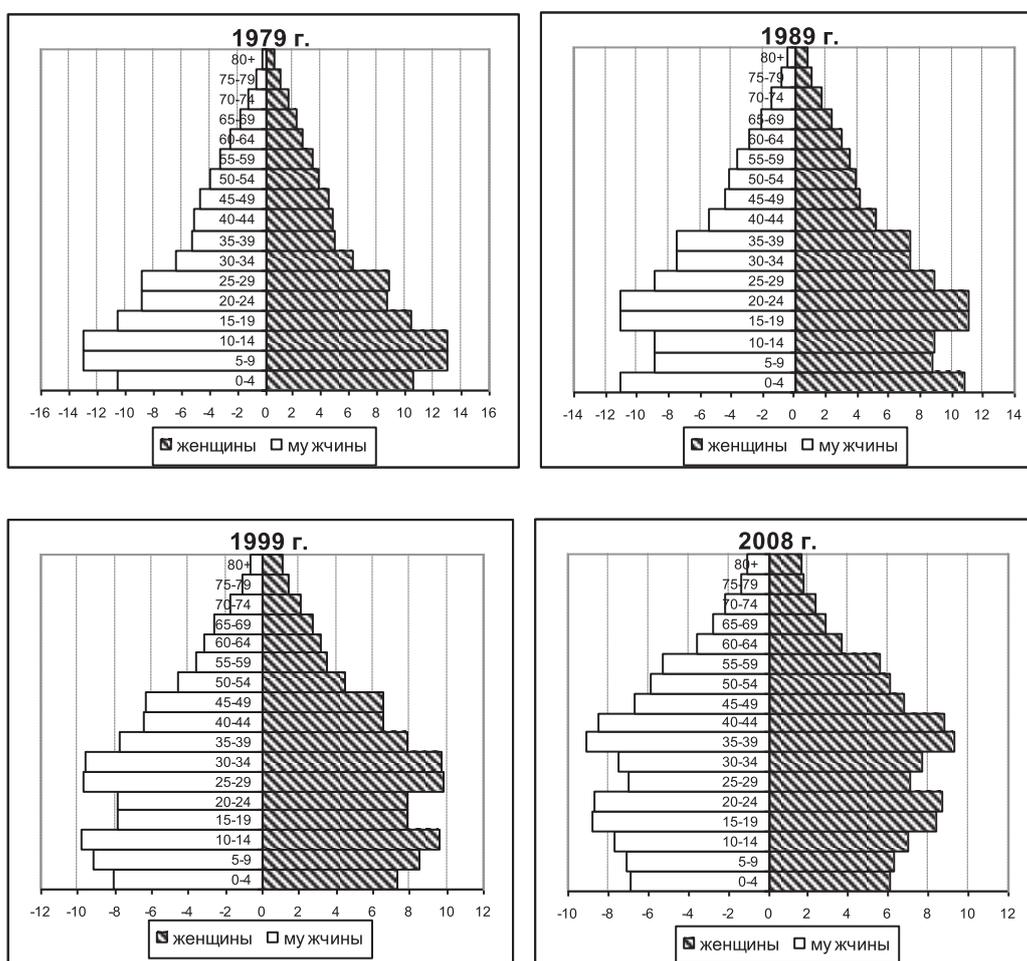

Рис. 4. Возрастно-половые пирамиды Китая

Таким образом, приведенные выше данные наглядно показывают структурные изменения в населении Китая по полу и возрасту, вызванные проведением активной демографической политики в государстве. Причастность административных мер к искажению состава населения отображается в резком характере изменений всех расчетных показателей после 1980-х годов — периода активизации политических мер.

Последствия таких мер для возрастно-половой структуры заключаются в нарушении естественного соотношения полов в пользу увеличения доли мальчиков среди новорожденных и, как следствие, нарушение брачной структуры в более позднем возрасте, а также в стареющем характере развития населения — многочисленные старшие поколения численно не замещаются младшими, что таит в себе серьезную угрозу экономическому развитию по причине неизбежного и быстрого роста демографической нагрузки трудоспособного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баженова Е.С.* Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 212–129. Цит. по: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0411/analit05.php>.
2. *Баженова Е.С.* 1300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М.: Изд. дом «ФОРУМ», 2010. Цит. по: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit04.php>.
3. Мировые демографические прогнозы. Обзор 2006 года // Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. 2007. URL: <http://www.un.org/esa/population/publications/wpp2006/Russian.pdf>.
4. *Почагина О.В.* Социокультурные и социопсихологические аспекты старения населения в КНР. 2008. Цит. по: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0131/analit07.php>.
5. *Riley N., Gardner R.W.* China's Population: a review of the Literature. Liege: IUSSP, 1997.
6. *Vermeer E.B.* Demographic Dimensions of China's Development // Population and Development Review. 2006. № 32. P. 115–144.
7. World databank / Health Nutrition and Population Statistics. URL: <http://databank.worldbank.org/ddp/home.do>.

МОДЕЛЬ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН, КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК ЛЮДЕЙ

Автор:

Фахрисламова Розалия Таштимеровна,
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, факультет социологии,
1-й курс магистратуры,
E-mail: rfakhislamova@gmail.com

Республика Башкортостан принадлежит к числу регионов России с относительно высоким уровнем рождаемости, хотя этот уровень и не обеспечивает простого воспроизводства населения. Об этом свидетельствует суммарный коэффициент рождаемости (число детей на одну женщину условного поколения).

С 1990-х годов суммарный коэффициент в республике неуклонно снижался как в городской, так и сельской местности (за исключением 2000–2003 годов). С 2007 года наблюдалось некоторое увеличение показателя, тем не менее, и сейчас он намного ниже, чем был в начале 1990-х годов. Особенно значительным было его снижение в селе: с показателя 3,09 в 1990 году он сократился до 2,01 в 2009 году, а в городе — с 1,84 до 1,52 (рис. 1). При существующем сейчас в России уровне смертности для обеспечения простого воспроизводства необходимо, чтобы суммарный коэффициент рождаемости был равен 2,11.

Однако при этом суммарный коэффициент рождаемости в республике Башкортостан все же несколько выше, чем в других субъектах ПФО, и в среднем в России (рис. 2), и после 2006 года показатель существенно повысился именно в Башкортостане. Возможно, на это повлияли республиканские меры демографической и семейной политики.

В самое последнее время изменения уровня рождаемости сопровождается изменением возрастной модели рождаемости, о чем свидетельствуют возрастные коэффициенты рождаемости [Денисенко, Калмыкова, 2007, с. 141–143]. Возрастной коэффициент рождаемости представляет собой среднее число детей, родившихся в течение прожитого года у 1000 женщин в определенных возрастах.

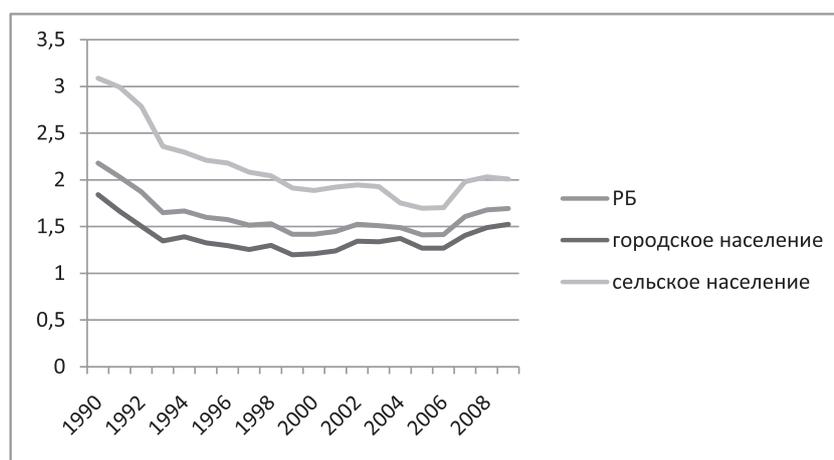

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости в Республике Башкортостан, 1990–2009 годы

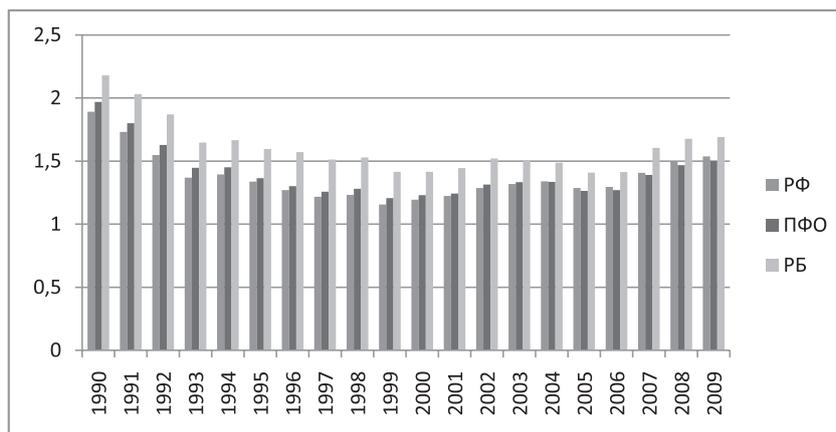

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости в Республике Башкортостан, Приволжском федеральном округе и Российской Федерации, 1990–2009 годы

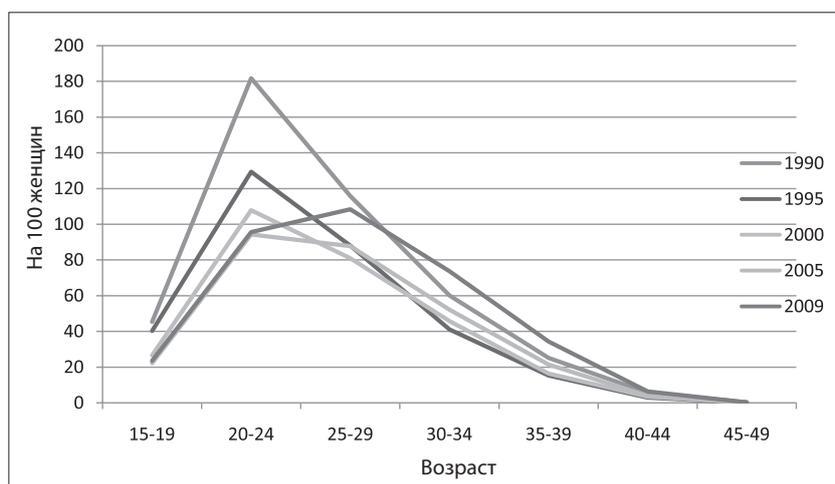

Рис. 3. Возрастные коэффициенты рождаемости в Республике Башкортостан (1990, 1995, 2000, 2005, 2009 годы)

На рис. 3 представлены кривые возрастных коэффициентов рождаемости в Республике Башкортостан с 1990 по 2009 годы.

С 1990 по 2000 годы наблюдалось постепенное снижение рождаемости, без особого изменения ее возрастной модели. В 2005 году наблюдается иная картина. Если до 2000-х годов максимальная интенсивность рождений приходилась на возрастную группу 20–24 года, а затем кривая быстро снижалась, то в 2005 году мы видим еще одну точку, в которой интенсивность процесса сохраняется довольно высокой, это группа 25–29-летних матерей, и затем идет снижение, более постепенное, чем в предыдущие годы. К 2009 году картина изменилась еще сильнее. Такие изменения характерны и для России в целом, где максимум возрастной рождаемости к 2009 году впервые с 1930-х годов переместился из возрастной группы 20–24 лет в группу 25–29-летних женщин (рис. 4) [Население России, 2010, с. 92–99]. То же произошло и в Республике Башкортостан, хотя есть и различия. Разница между двумя пиками интенсивности рождений в 2009 году в среднем по России меньше, чем по республике Башкортостан.

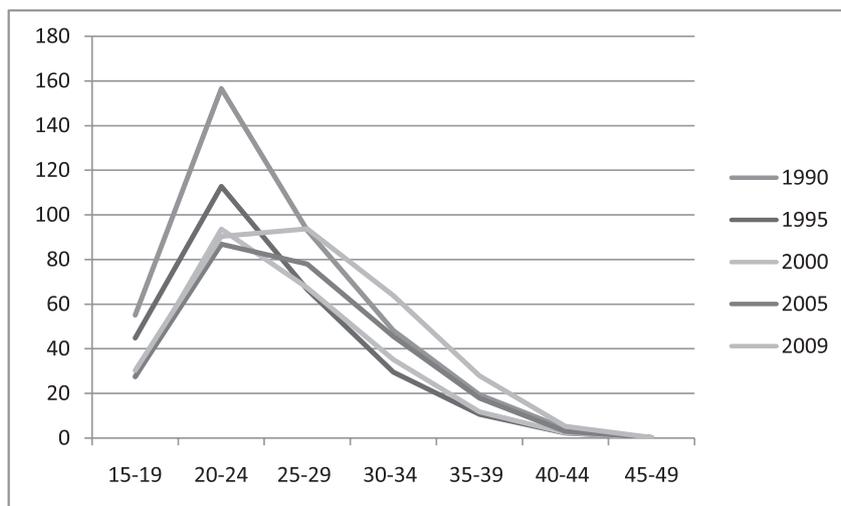

Рис. 4. Возрастные коэффициенты рождаемости в Российской Федерации

Аналогичные выводы можно сделать, сравнивая Республику Башкортостан и Приволжский федеральный округ.

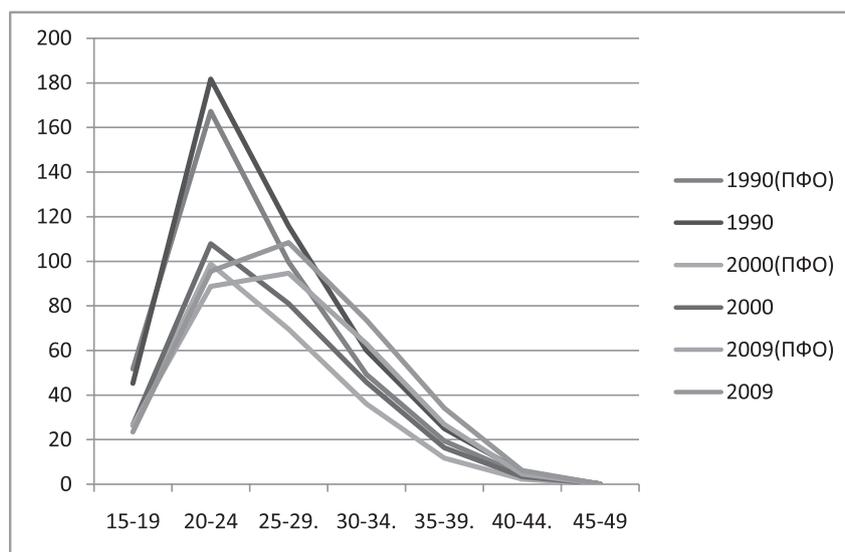

Рис. 5. Возрастные коэффициенты рождаемости по Республике Башкортостан и Приволжскому федеральному округу

Уровень рождаемости в Башкортостане, как уже отмечалось, выше, чем в ПФО и России. Но тенденции изменения возрастных кривых рождаемости сходные: они указывают, во-первых, на снижение уровня рождаемости с 1990-х годов; во-вторых, на изменение возраста, на который приходится максимальная интенсивность процесса; в-третьих, на изменение распределения рождений на всем репродуктивном интервале у женщин.

Проследим, как изменялся уровень рождаемости в каждом из возрастных интервалов в Республике Башкортостан.

На рис. 6 видно, что снижение рождаемости шло в первую очередь за счет возрастов 20–24 года. Вместе с тем в возрастах 25–29 лет, 30–34 года рождаемость снижалась до 1994 года, после чего началось постепенное повышение рождаемости за счет данных возрастных групп. В старших возрастных группах 40–44, 45–49 лет показатели рождаемости остаются примерно на одном и том же уровне. В самой молодой возрастной группе с 1990-х годов наблюдается снижение числа рождений. С 2007 года число рождений повысилось практически во всех возрастных интервалах.

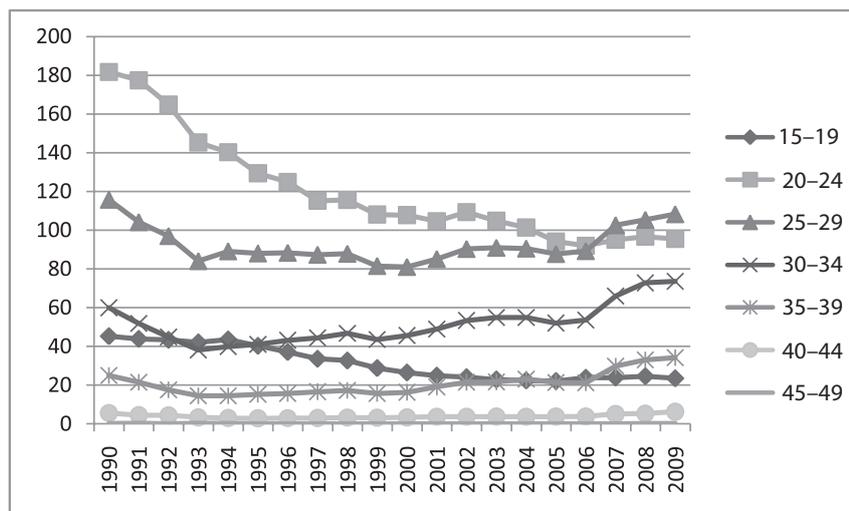

Рис. 6. Возрастные коэффициенты рождаемости в Республике Башкортостан

Изменение в возрастной модели рождаемости отражается в показателе среднего возраста материнства [Архангельский, Иванова и др., 2005, с. 54–81]. Средний возраст матери рассчитывается как средняя из возрастов матерей при рождении ребенка, взвешенная возрастными коэффициентами рождаемости.

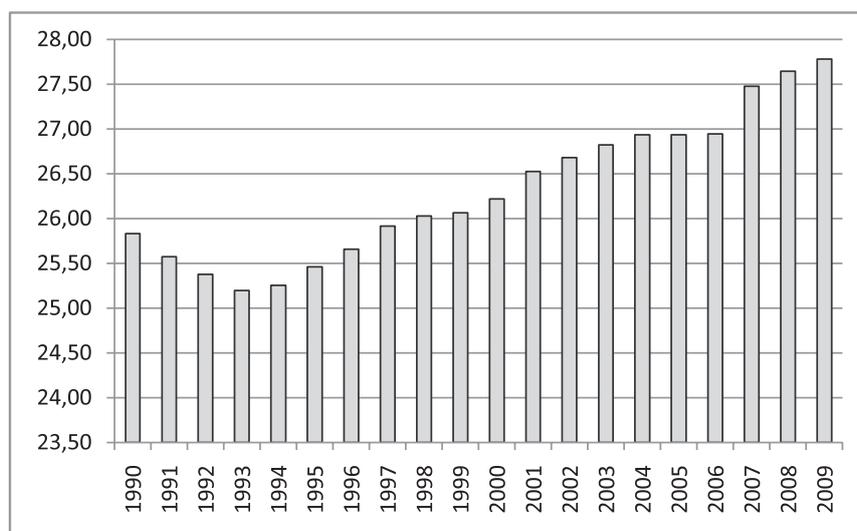

Рис. 7. Средний возраст матери в Республике Башкортостан, 1990–2009 годы

Как видно из рис. 7, до 1993 года средний возраст матери снижался, но затем началось его постепенное повышение. Если в 1990 году данный показатель равнялся 25,83 года, то в 2009 году он достиг 27,78 года. Это говорит о «постарении» материнства.

Средний возраст матери увеличивается как в городской, так и в сельской местности. С 2007 года произошло быстрое увеличение среднего возраста, особенно в сельской местности. Возможно, это связано с введением программы материнского капитала, что способствовало появлению на свет детей, рождение которых откладывалось или вообще не планировалось. В городе увеличение среднего возраста матери было более плавным.

Рис. 8. Средний возраст матери в городской и сельской местности Республики Башкортостан, 1990–2009 годы

Хотя средний возраст матери увеличивается как в Башкортостане, так и в целом по России, и в среднем по ПФО, Башкортостан устойчиво выделяется на их фоне более высоким средним возрастом (рис. 9).

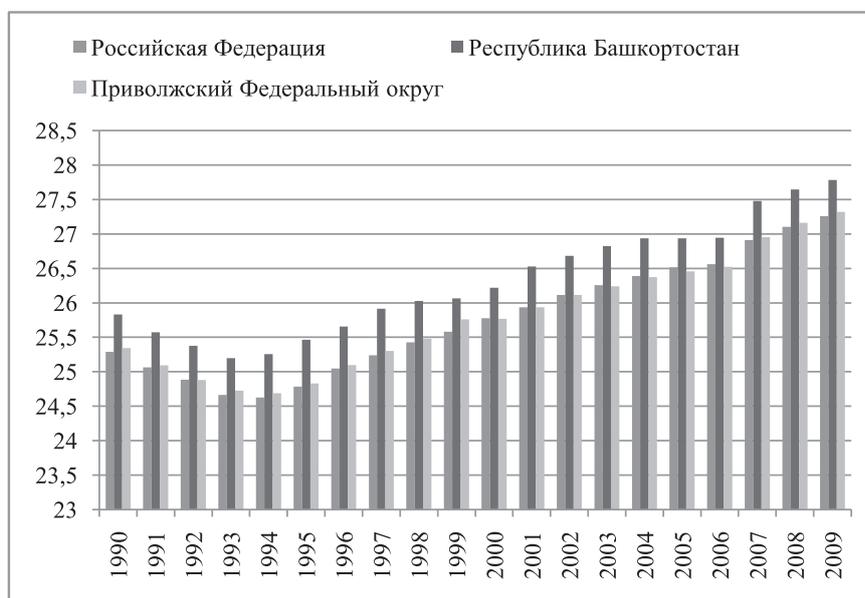

Рис. 9. Средний возраст матери в Российской Федерации, ПФО, Республике Башкортостан, 1990–2009 годы

Изменение возрастной модели рождаемости, а также уменьшение суммарного коэффициента рождаемости может происходить под воздействием многих факторов.

Многие исследователи, в частности Е.В. Гольцова, Я.А. Лещенко, С.Н. Варламова, А.В. Носкова, Н.Н. Седова, Т.М. Малева, О.В. Синявская в своих статьях, посвященных изучению социально-экономических факторов рождаемости, установок россиян по отношению к семье и детям, подчеркивают важность влияния социально-экономических условий. При этом большое внимание уделяется изучению репродуктивных установок людей, для описания которых используют различные показатели. Они основаны на статистике мнений (например, идеальное, ожидаемое, желаемое число детей в семье).

В этой связи мы обратились к результатам социологического исследования «Демографическое развитие Республики Башкортостан». Исследование было проведено в 2007 году по репрезентативной выборке на территории республики Башкортостан.

Выборка состоит из 1033 человек, из них мужчин 477, женщин 556. Возрастной контингент представлен от 18 до 65 лет. По национальности: русских — 33,8 %, башкир — 29,2%, татар — 27,5%, и других — 9,5%. По типу населенного пункта: город — 34,1%, село — 40,9%, Уфа — 25,1%.

С нашей точки зрения, изменения, которые отражаются на графиках в показателях суммарного коэффициента рождаемости, возрастных коэффициентов, имеют в своей основе изменения репродуктивных установок людей, которые под воздействием многих факторов, в том числе и социально-экономических, могут меняться и проявляться различным образом в репродуктивном поведении.

К сожалению, отсутствие социологических исследований на территории республики не позволяет сравнивать нам результаты данного обследования с предыдущими, поэтому мы на основании результатов старались больше внимания уделять точкам зрения людей разных возрастов (разных поколений). А также для нас важно изучать мнения в зависимости от типа населенного пункта, так как мы увидели насколько отличаются показатели в городе и селе, соответственно, у людей разные установки и разные возможности.

При измерении репродуктивных установок одним из важнейших выступает показатель «идеального числа детей». Если сравнить ответы на данный вопрос в зависимости от пола, то увидим, что примерно 6% как мужчин, так и женщин считают идеальным наличие одного ребенка, 31% мужчин, 35% женщин — двоих детей, 35% мужчин и 33% женщин — троих детей, 8% мужчин и 11% женщин — четырех и более детей, ни одного — выбрали 8% мужчин и 6% женщин.

Следует отметить, что выбор идеального числа детей по результатам данного исследования отличается от результатов исследований на уровне всей страны, где направленность на однодетность и двухдетность выше. Например, результаты исследования «Семья. Демография. Социальное здоровье населения», проведенного по инициативе РГСУ, свидетельствуют, что 12% респондентов выбрали однодетную семью в качестве желаемой модели, 54% — предпочли желаемым при наличии всех необходимых условий двоих детей, трое детей — предпочли 23% респондентов, и наличие более троих детей выбрали 9%, бездетную семью в качестве желаемой модели назвали 2% [Варламова, Носкова, Седова, 2006].

Хотелось обратить внимание на идеальное и ожидаемое число детей в зависимости от национальности. В исследованиях по России подчеркивается, что хотя у этнических мусульман направленность выше на большее число детей, но это разница стирается при ожидаемом числе детей.

Зачастую в реальных планах, по сравнению с идеальными установками, намного выше процент людей, желающих иметь меньшее число детей.

Табл. 1, в которой представлены установки людей на число детей в зависимости от национальности, показывает, насколько отличаются они в разрезе национальности, а также насколько ожидаемое число детей разнится с идеальным числом. Мы видим, что переходя к реальным планам людей, установки на многодетность снижаются, и выше становится процент ориентированных на одного ребенка и двоих. Стоит отметить, что анализировать вариант ответа «ни одного ребенка» мы однозначно не можем, особенно в ожидаемом числе детей (который значительно выше идеальных установок). С нашей точки зрения, здесь наблюдается ошибка из-за запутанной формулировки вопроса и, вероятнее всего, респонденты отвечали не совсем так, как требовалось в анкете. Вопрос об идеальном числе детей звучал следующим образом: сколько детей (включая тех, кто уже есть) вы хотели бы иметь, если бы у вас были для этого все необходимые условия? Об ожидаемом: сколько детей, включая имеющихся, вы ожидаете (собираетесь) иметь?

Таблица 1

Идеальное и ожидаемое число детей

Идеальное число детей (ожидаемое число детей)	Национальность		
	Башкиры	Русские	Татары
Один	4,3 (9,0)	8,1 (12,5)	6,0 (10,7)
Два	28 (31,3)	36,2 (34,5)	34,4 (41,1)
Три	37,3 (23,6)	29,8 (11,5)	35,4 (14,9)
Четыре и больше	14,3 (4,3)	4,6 (1,4)	10,3 (0,9)
Затруднились ответить	10 (13,3)	13,0 (17,4)	6,4 (9,3)
Ни одного ребенка	6 (18,4)	8,1 (22,6)	7,4 (22,9)

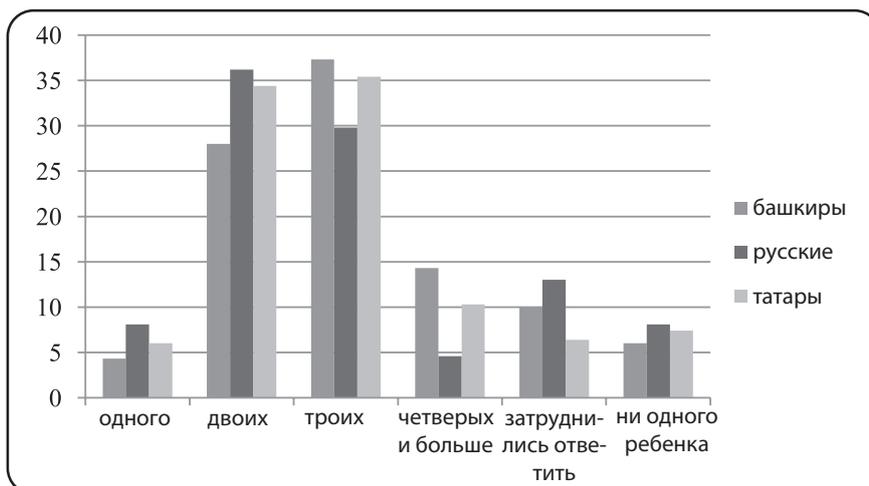

Рис. 10. Сколько детей (включая тех, кто уже есть) вы хотели бы иметь, если бы у Вас были для этого все необходимые условия?

Данное исследование (рис. 10) также подтверждает результаты общероссийских исследований о том, что русские — это группа, которая демонстрирует наименьший репродуктивный потенциал.

Самыми высокими репродуктивными установками отличаются башкиры, затем идут татары. Направленность на однодетность и двухдетность выше всего у русских, на трехдетность и многодетность — у башкир.

При описании модели рождаемости в республике мы увидели разницу в них в зависимости от населенного пункта, соответственно, репродуктивные установки также отражают данную особенность (рис. 11). Направленность на однодетность выше в городах и в Уфе, на двухдетность — также в этих населенных пунктах, хотя по селу процент тоже достаточно высок. Идеальным считают наличие троих детей в большей степени жители села, затем городское население и жители Уфы. Многодетность, как приоритет в количестве детей, больше всего характерна для сельского населения, меньше — для городского населения и жителей Уфы. Вариант ответа «ни одного» в большей степени соответствует населению Уфы. Таким образом, мы можем сказать, что все это проявляется в суммарном коэффициенте рождаемости, что подтверждает влияние репродуктивных установок на рождаемость.

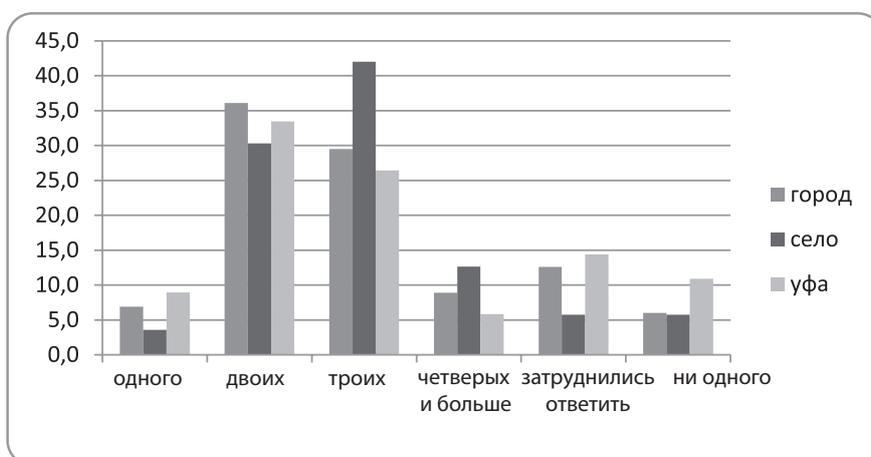

Рис. 11. Сколько детей (включая тех, кто уже есть) вы хотели бы иметь, если бы у вас были для этого все необходимые условия?

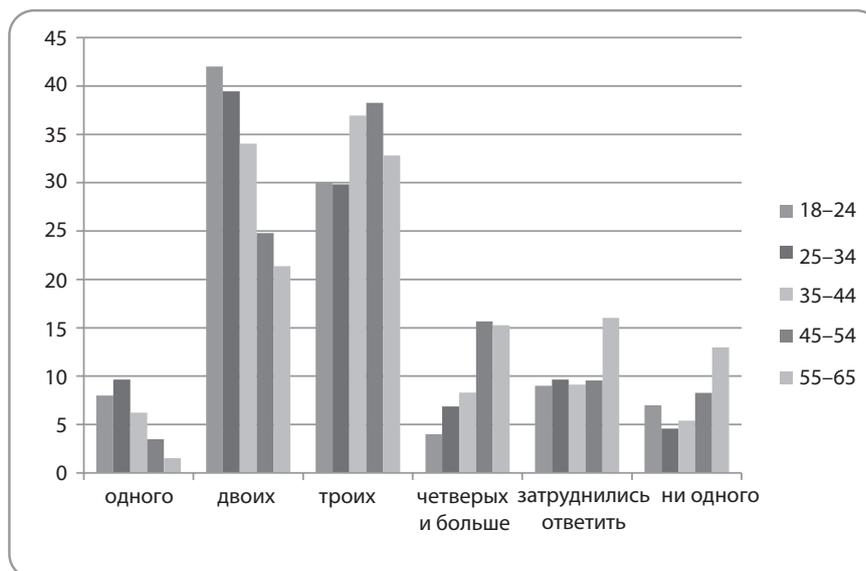

Рис. 12. Сколько детей (включая тех, кто уже есть) вы хотели бы иметь, если бы у вас были для этого все необходимые условия?

При анализе установок на идеальное число детей в разных возрастных группах (рис. 12) мы наблюдаем, что наиболее молодые возрастные группы 18–24, 25–34 лет, более ориентированы на меньшее число детей, по сравнению со старшим поколением. В старших возрастных группах мы видим большую направленность на многодетность, тогда как у молодых обратная картина. Для возрастных групп 18–24 лет и 25–34 лет наиболее предпочтительным явилось иметь двоих детей, для 35–44-летних и 45–65-летних — троих детей. То есть мы видим, что у современных поколений наблюдается большее предпочтение к малодетности и снижение по сравнению со старшими поколениями желания иметь более троих детей.

Среди россиян среднего и старшего возрастов доля предпочитающих иметь трехдетную семью составляет примерно одну четверть, и это в два раза больше тех, кто предпочитает однодетную семью. И только в молодой возрастной когорте (18–24 лет) доля респондентов, ориентированных на однодетную и трехдетную семью, практически совпадает (14,3% и 14,7%).

Респондентам задавался вопрос о возрасте материнства, а именно в каком возрасте лучше всего женщине становиться матерью первого и последнего ребенка. Практически 78,3 % респондентов ответили, что первого ребенка желательно родить до 25 лет, при этом 42% — до 20 лет, и 36,3% — до 25 лет. 14,2 % считают, что возраст не имеет значения.

При этом 30% респондентов ответили, что последнего ребенка нужно родить до 30 лет, до 35 лет — 33,6%, 23,7% — до 40 лет. То есть практически 90% респондентов считают, что последнего ребенка нужно родить до 40 лет, когда до окончания репродуктивного периода остается 9 лет, и 60% — до 35 лет, когда в запасе остается еще 15 лет. Это говорит нам об очень существенных изменениях установок.

Выводы

Прослеживая динамику процессов рождаемости в Республике Башкортостан с 1990 по 2009 годы, мы пришли к выводу, что наблюдаются схожие тенденции этой динамики как в целом по Российской Федерации, так и в Приволжском федеральном округе. Во всех случаях наблюдается:

- трансформация возрастной модели рождаемости;
- увеличение среднего возраста материнства;
- сокращение суммарного коэффициента рождаемости.

В то же время имеются существенные отличия, особенности модели рождаемости в Республике Башкортостан:

1. Суммарный коэффициент рождаемости, несмотря на то, что он снижался в Республике с начала 1990-х годов, остается все же более высоким. Ни в один из рассматриваемых годов он не равнялся сред-

нему показателю как по ПФО, так и по РФ. Во всех регионах с 2007 года данный показатель стал расти, но наиболее существенно вырос в Башкортостане.

2. Возрастная модель рождаемости, претерпевая схожую трансформацию, также имеет свои особенности, что выражается в более высоком среднем возрасте матери в республике Башкортостан.

3. Особенности возрастной модели рождаемости в республике обусловлены репродуктивными и ценностными установками людей.

До принятия каких-то мер демографической политики в России необходимо тщательно изучить демографическую ситуацию не только в целом в стране, но и в регионах.

Мы считаем, что при проведении демографической политики важно учитывать мнения самих людей. Ведь вся официальная статистика собирается из единичных решений, которые принимает конкретный человек, партнеры, полагаясь на свои репродуктивные установки, желания и возможности.

ИСТОЧНИКИ

1. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л., Рязанцева С.В. Практическая демография. М.: ЦСП, 2005.
2. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 61–73.
3. Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М. Демография. М.: Инфра-М, 2007.
4. Население России: шестнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: ГУ ВШЭ, 2010.

6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (РУКОВОДИТЕЛЬ — ТАРУСИНА И.Г.)

ФАКТОРЫ УСПЕХА АКЦИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЛУЧАЕВ ВСТО, СОЧИ И ХИМКИНСКОГО ЛЕСА)

Автор:

Клейменова Анна Михайловна,

Санкт-Петербургский государственный университет,

факультет свободных искусств и наук, 3-й курс,

E-mail: anna.kleymenova@mail.ru

Научный руководитель:

Кононенко Павел Борисович,

Санкт-Петербургский государственный университет,

*преподаватель профиля подготовки «Международные отношения,
политические науки и права человека»*

В последнее время политическая инициатива граждан выражается преимущественно в форме общественно-политических протестов. Однако примеры подобных движений можно найти в основном в Москве и Санкт-Петербурге, в то время как в регионах России мы видим скорее примеры экологических протестов, именно им и посвящена данная работа.

В своем исследовании я рассматриваю и сравниваю три общественных экологических протеста. Первый изучаемый случай — нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан», строительство которого осуществляется компанией «Транснефть». Изначальный проект, представленный «Транснефтью», предполагал прохождение трубы в опасной близости от северного берега озера Байкал, что в случае аварии неизбежно привело бы к загрязнению вод Байкала и экологической катастрофе. Начиная с июня 2003 года, в Иркутске и других городах России неоднократно проходили митинги против строительства нефтепровода. Организаторами протеста зачастую выступали российские отделения Greenpeace и WWF, а также организация «Байкальская экологическая волна». Заметную активность проявили жители Иркутска. 26 апреля 2006 года в Томске на встрече с главами сибирских регионов Владимир Путин заявил, что труба ВСТО должна пройти значительно севернее, чем это предусмотрено в проекте [Дайджест по истории проекта нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан»].

Следующий из изучаемых случаев — Сочи. В 2014 году в городе Сочи пройдут зимние Олимпийские игры. Сейчас в Сочи кипит «олимпийская стройка». Осуществление этого проекта возложено на госкорпорацию «Олимпстрой». Строительство многих из олимпийских объектов ведется на территории Кавказского государственного биосферного заповедника. Осуществление данных проектов, по заявлениям экологов, может нанести непоправимый урон флоре и фауне Кавказа. В Сочи проходили некоторые акции протеста, однако они не были масштабными и остались незамеченными на фоне грандиозных строек. Главными противниками строительства в Сочи были также Greenpeace и WWF, неоднократно подававшие жалобы как российским властям, так и в МОК. Значительной реакции ни с той, ни с другой стороны не последовало. К тому же экологические проблемы Сочи и социальный протест против олимпийских строек практически не освещался в СМИ и не имел широкого общественного резонанса.

Последний из рассматриваемых случаев — Химкинский лес. В 2004 году Министерством транспорта РФ было принято решение о строительстве платной автомагистрали Москва — Санкт-Петербург. Дорога должна пройти через Химкинский лесопарк. Еще до начала ведения работ по вырубке леса проект вызвал бурю общественных протестов. Наиболее активное участие в протесте приняли жители города Химки, Greenpeace России и WWF. Летом 2010 года экологи разбили лагерь в Химкинском лесу и проводили постоянные акции протеста. Им удалось приостановить ведение работ по вырубке леса. 26 августа президент Дмитрий Медведев поручил правительству приостановить работы. В декабре 2011 года было озвучено решение о нецелесообразности прекращения вырубке леса и строительства автомагистрали. Однако правительственная комиссия пообещала экологам принять возможные рекреационные меры, нацеленные на сохранение и защиту экологии Химкинского леса.

Американский исследователь Уильям Гэмсон в своей работе «Стратегия социального протеста», вышедшей в 1975 году, выделяет два критерия успешности общественного движения: достижение целей, которые движение перед собой поставило; формальное признание организации как законного представителя интересов определенной группы. Используя данные критерии, Гэмсон выделил четыре возможных варианта результатов движения:

1. Полный успех — цели движения были достигнуты, и оно было официально признано властными структурами.
2. Кооптация (частичный успех) — движение было признано, однако его цели не были достигнуты.
3. Упреждение (частичный успех) — цель движения была достигнута, однако, оно не получило официального признания оппонентами.
4. Поражение движения [Здравомыслова, 1993, с. 104].

Используя данные критерии, мы можем классифицировать итоги рассматриваемых акции протеста как: полный успех в случае ВСТО; частичный успех в случае Химкинского леса и поражение в случае Сочи.

Политическая ситуация на протяжении последних нескольких лет была достаточно стабильной, данные акции не проходили в периоды кризисов или в моменты, предшествовавшие выборам, то есть структура политических возможностей была неизменна, а итоги протестов разные. Проведенное исследование показало, что ключевым фактором успеха рассматриваемых протестов является заинтересованность в нем местных жителей. Теоретическое обоснование данному наблюдению можно найти в классической работе Мансура Олсона «Логика коллективных действий» [Олсон], а также в теории рационального выбора. Согласно им, люди будут участвовать в протесте только в том случае, если это для них выгодно, если они будут иметь для этого определенные стимулы. Очевидно, что жители Иркутска не имели ни малейшей выгоды от прокладки нефтепровода, а реальная угроза для предмета их гордости и источника ресурсов — Байкала, существовала. А жители Сочи напротив скорее закроют глаза на экологические проблемы в регионе, ведь Олимпиада, а в последствии и развитая инфраструктура, сулят им огромные социально-экономические выгоды. Жители Химок, как и жители Иркутска, едва ли могут воспринимать трассу Москва — Санкт-Петербург как источник каких-либо благ, а флора и фауна леса, которые они привыкли воспринимать, как неотъемлемое благо, будут разрушены.

ИСТОЧНИКИ

1. Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
2. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995.
3. Дайджест по истории проекта нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан». Составлен Александром Резницким, по материалам Информационного Агенства «REGNUM»: http://www.ar-video.xost.ru/History_of_pipe.htm.

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКИ ЯЗЫКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

Автор:

Максимовцова Ксения Викторовна,

Санкт-Петербургский государственный университет,

факультет свободных искусств и наук, 4-й курс,

E-mail: kseniya.maksimovtsova@gmail.com

Научный руководитель:

Семенов Александр Михайлович,

преподаватель Смольного института свободных искусств

и наук СПбГУ, редактор журнала «AbImperio»

В 1991 году Украина пошла по пути национализирующегося государства (если использовать термин, предложенный Р. Брубейкером), соответственно, стала проводить собственную языковую политику, направленную на развитие украинского языка и придание ему государственного статуса [Брубейкер, 2003, с. 10]. В работе представлено многостороннее исследование вопроса национальной и языковой политики в современной Украине, включая исторический контекст формирования украинской нации, анализ современной политики языка, включая конституцию и нормативно-правовые акты, связанные с языком, дебаты в СМИ и выделение узловых моментов дискуссии.

Основные понятия, используемые в исследовании — языковая политика и нация (национализм). Николай Борисович Вахтин и Евгений Васильевич Головки определяют языковую политику как «часть общей политики государства. Государство принимает основные принципы политики в отношении языков, которые имеют хождение на его территории, и реализуют эту политику в виде языкового планирования» [Вахтин, Головки, 2004, с. 163]. Мы будем исходить из конструктивистского определения нации, данным в книге Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма». Итак, по Андерсону, нация — это «воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [Андерсон, 2001, с. 30].

«На основе анализа данных, которые приводятся различными исследователями, можно выделить следующие составляющие современной языковой ситуации в Украине: 1. Разделение населения на две — русскоязычную и украиноязычную — приблизительно равные группы, не совпадающие с группами этническими; 2. Территориальная и социально-территориальная поляризация языковых предпочтений населения; 3. Формальный и, зачастую, противоречивый характер законодательства» [Вахтин, Жиронкина, Лисковец, Романова, 2003].

На основе анализа публикаций в украинских газетах «Украинская правда» и «Украина молодая», в еженедельнике «Зеркало недели» и телепередаче «Открытый взгляд» мы установили, что отсылки к историческому прошлому постоянно используются политиками и общественными деятелями для легитимации проводимого курса и объяснения текущего политического процесса. В публичном пространстве происходит столкновение различных националистических проектов, что подтверждает предположение о существовании нескольких типов национализма в Украине и, соответственно, разных логик национализации, где язык играет ключевую роль как символ национальной идентификации. На основе типологизации национализмов, предложенной Роджерсом Брубейкером в работе «Мифы и заблуждения в изучении национализма» [Брубейкер, 2010, с. 163], нам удалось выделить четыре типа национализма в Украине после распада Советского Союза. К ним относятся национализм «новых независимых государств», национализм меньшинств, национализм «внешней родины» и национализм «возвращения подавленного».

ИСТОЧНИКИ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001.
2. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма / сб. статей «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма». М.: Новое издательство, 2010.
3. Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка: учеб. пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2004.
4. Вахтин Н.Б., Жиронкина О.Ю., Лисковец И.В., Романова Е.В. Отчет по результатам исследовательского проекта «Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве». 2003. URL: <http://old.eu.spb.ru/ethno/projects/project3/ukraine/004.htm>.
5. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
6. Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

CONTENTS

1. INTERNET RESEARCH

Alexander Kustov, Tamara Petrova

Social networks of Russian speaking sociologists-bloggers on LiveJournal.com

The research objective is to describe the network of Russian speaking professional sociologists who have blogs on LiveJournal.com. The social network analysis is employed in the study to measure relationships between the sociologists online. This approach allows to analyze their friendship with each other, their level of power, the relationships between different groups, the inequality in the network. The data collected from the public profiles of sociologists on LiveJournal.com and websites of related organizations were analyzed and visualized with ORA and UCINET software.

Julia Pavlova

Russian language blogosphere: defining populations for sociological research

The problem of defining populations in sociological studies is acquiring a new significance with the development of blogosphere as a new social space and the emergence of the analysis of the respective large-scale text data. Usually sociologists study groups of persons which is why size, structure, main characteristics and methods of defining the population are familiar to them. In the analysis of blogosphere the process of forming population is not that simple. What is a blog, what is the relevant unit of analysis (blog, post or comment), what are the criteria of belonging of this unit to population, and what is the procedure of operationalizing them — these are the main methodological problems addressed in this paper.

Elizaveta Tereschenko

Sociological analysis of Russian-language blogs: selection of clusterization algorithms

Large size of Internet texts as a new kind of sociological data presents a challenge for social scientists as it demands new, computerized methods of text analysis. The first part of this paper describes most typical approaches to automatic text clustering, as well as specific difficulties of clusterization of blogs (short texts clustering problem, analysis of texts with specific vocabulary). The second part covers steps of software & algorithm selection. It describes what criteria should be used for estimation and selection of software for clustering texts, and preliminary results.

Irina Khvan, Aleksey Gorgadze, Egine Sukiasyan, Kirill Sucharev, Marina Ostapenko, Mary Margaryan, Veronika Kostenko

Ethnic communities in social networks

The research project is about ethnic communities that emerge in social networks. The main goal of the project is to find what ethnic communities are presented in Russian segment of the Internet, how they are localized and how different communities of the same ethnic group are interconnected in the Web. In future we plan to juxtapose localizations of virtual communities with geographic distribution of educational migrant in Russia which has been also studied in this project.

2. YOUTH CULTURAL SCENE OF A BIG CITY: PRACTICES, SPACES AND STYLES

Liubov Novikova

The Hipsters: New Consumption Strategies of Youth

The development of consumption culture in Russia has strongly influenced the habits and behavioral patterns of youth. The transformation of consumer's practice is one of the most topical sociological themes today. My research is focused on institutionalization of fashion trends, emergence of new consumer identity among young people, doctrinal formation of subculture in Russian field and intergroup discrimination. The work is based on qualitative sociological methods.

Maxim Kudryashov

Music Consumption in the Digital Music Age: The Sound of the 80's Comeback

Digitalization of music causes its existential devaluation and «hyperinflation». One of the tactics to bring back its «real» value is the listening to the Eighties' music, which popularity rose in a few last years.

Alexey Zinovyev

Participant observation in the research of sport practices: the body of researcher as an «instrument of cognition»

Sports practice, as one of the socio-cultural forms of identity formation, is very interesting to study. However, the researcher decided to study this process, faced with some difficulties. Knowledge about the formation of a «sportsman», there are only in action and practically not reflection by «sportsman». To resolve this problem, I propose to use a method of participant observation. In this article I will consider the results of participant observation to study parkour. It will be shown how the practice of parkour change traceur body, his body technique, a vision of the city and the norms of displacement.

3. SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE AND SCIENTOMETRICS

Zagorulko Ekaterina

Professors' disciplinary courts in universities of Saint Petersburg (1907–1914 years)

My research focuses on the Professorial Disciplinary Courts in the Higher Education Institutions of St.-Petersburg from 1907 through 1914. The Professorial Disciplinary Courts considered the cases of intramural student misconduct, students' conflicts with professorate, university authorities, or among themselves. During the period of the reaction, the Ministry of Education placed much hope on this organ and endowed it with great responsibility. The Disciplinary Courts were working under a strict control because they were suspect of sympathies towards students. However, despite the Ministry's expectations, the Professorial Courts did not turn into a repressive mechanism because the «political» issues, which underlied a considerable proportion of cases of student misconduct, fell beyond their jurisdiction. It is important to note that the functions of the Professorial Disciplinary Court were not limited to purely judicial ones. The moral education was no less important. A Professor's reproach was perceived as a no less severe punishment than a formal reprimand.

4. EDUCATION STUDIES

Nikolay Tikhodeyev

Education as a factor determining the income of some rural population groups in Russia

It is widely left out of account that the income level of rural population might depend on education. However, using secondary analysis of the Russian survey «Time budget and living conditions of rural population 1975–2005», we have found a group where this dependence does occur. This group is represented by rural women: high level of education allows them work in more well-paid spheres such as public health, culture, education and finance. Meanwhile, the majority of rural men are employed directly in agriculture, where the level of their education is insignificant. Thus, education can be a factor determining income of rural women and not related to that of rural men.

Tamara Petrova

The inequality of educational achievements among schoolchildren: a cross-country comparison

This project is focused on inequality of educational achievement defined as difference in scores on international standardized tests (PISA, PIRLS, TIMMS) among schoolchildren in different countries. The paper reports on the necessity of considering economic indicators explaining educational inequality. Moreover, the variance of international test scores is being considered as opposed to traditional studies which focus mainly on the score means. Current research is held with the use of quantitative analysis of secondary data. The main method used is multiple linear regression analysis.

Asya Demyanova

Social choice «measurement»: diagnostic facilities of projective method

We consider the results of study based on open (free-answer) projective questions. This technique lets us assess creative resources of children at high school and detect a range of social choices the respondents make.

It was found out that students base their social choices on cliché and stereotypes. This effect is partially caused by absence of reflexive skills development in the curriculum of Russian schools.

Ksenia Tenisheva

Educational choice factors after the 9th grade

There are two traditions in the research on education: the one taking into account objective characteristics only and another one also taking into consideration socio-psychological factors. In this paper I test the influence of two sets of factors on educational choice after the 9th grade. The main finding is that both sets do significantly affect the choice and should be included in more complex and specific models. Then, educational aspirations tend to be a good predictor of the real choice.

5. DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA

Yuliya Popova

Consequences of the state demographic policy of China for an age-sex structure of the population

The influence of the state demographic measures on an age-sex structure of the population of China mainly since the period of introduction of a policy «One child policy» is studied in this article. Sharp changes in the structure of the population by age and sex after 1970s has been outlined by means of calculation of demographic indicators. From the results it is concluded that an age-sex structure of the population is significantly impacted by the state demographic policy of China that leads to disproportion of a natural balance of sexes at a birth, and as consequence, in the population as a whole, and growth of elderly population what makes China an ageing nation.

Rozaliya Fakhrislamova

Model fertility in the Republic of Bashkortostan, as a reflection of changes in reproductive attitudes of people

The aim of this work, the study a model of fertility in the Republic of Bashkortostan. Objectives: to follow the dynamics of 1990–2009 years birth rate in Bashkortostan and to identify features and patterns, the study of reproductive attitudes citizens of the republic. In writing this paper used data from Federal State Statistics Service, as well as the results of a sociological survey «Demographic Development of the Republic of Bashkortostan» (2007).

6. POLITICAL SOCIOLOGY

Anna Kleymenova

Factors of the ecological social movements' success (examples of ESPO pipe, Khimki wood, Sochi)

In this research three ecological movements are studied as the examples of public activity in modern Russia. These are the cases of protests against: the oil pipeline Eastern Siberia — Pacific Ocean construction, building of the Olympic objects in Sochi on the territory of the Caucasian reserve, construction of the highway from Moscow to St.-Petersburg through the Khimki wood. These three cases are different in their results (success, semi-success, failure). By the analysis of these three cases is made an attempt to find out what can be the reason of a success or a failure of a social movement, what is critical for achievement of its purpose. In this paper the theory of collective action and the theory of a rational choice are considered.

Ksenia Maksimovtsova

The Correlation Between National Policy and Language Policy in Post-Soviet Ukraine

Language policy as an integral part of constructing political boundaries of a national community plays a significant role in the system of Eastern Europe nationalisms. Language policy is also the key marker of national identity, that's why the question of language planning and use has become a debatable topic the political discussion after the Soviet Union collapse and especially in Ukraine. The project relies on the fundamental works of nationalism researches such as Benedict Anderson who invented the very concept of «imagined communities», Ernest Gellner whose contribution is that he found the connection between nationalism and the industrial society, Rogers Brubaker who critically analyzed the nature of nationalism in the Eastern Europe in the book «Nationalism reframed» and reinterpreted the traditional classification of nationalisms in his article «Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism».

Научное издание

**ИЗБРАННЫЕ ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
III СТУДЕНЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
МЕЖВУЗОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Ответственный за выпуск *О. Александрова*
Редактор-корректор *С. Апроцкая*
Компьютерная верстка *Е. Фортиной*

Подписано в печать 11.03.2012. Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Усл. печ. л. 7,5, Тираж 100 экз. Заказ № 203.

Подготовлено к печати и отпечатано отделом оперативной полиграфии
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 17а.
Тел./факс: (812) 786-58-95